МИЛЛЬ, КОНТЪ и БОКЛЬ

о

ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

9

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ СОЛОВЬЕВА.

ИЗДАНІЕ С. П. АННЕНКОВА.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.
1870.

МИЛЛЬ, КОНТЪ и БОКЛЬ

о

ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ СОЛОВЬЕВА.

ИЗДАНІЕ С. П. АННЕНКОВА.

МОСКВА.
Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ в., д. Шиловой.
1870.

Дозволено цензурою. Москва, 20 Января, 1870 года.

МИЛЛЬ, КОНТЪ и БОКЛЬ

о

ЖЕНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

I.

Женскій вопросъ все еще не перестаетъ волновать умы современнаго общества и оставаться по прежнему далекимъ отъ своего разрѣшенія. Мало того, этотъ гордіевъ узелъ такъ теперь запутался, что нѣкоторые даже отчаяваются за его удачную развязку. Вмѣсто того, чтобы быть вопросомъ сердца, задачею разума, онъ сдѣлался какою-то экономическою игрушкой, мѣриломъ прогрессивности писателя. Этому, впрочемъ, и не мудрено было случиться: вопросомъ этимъ у насъ занялись преимущественно люди, для которыхъ романъ жизни не начинался, а семья, дѣти — т. е. всё, чѣмъ реализируется будущее, еще совершенно посторонее дѣло; люди же пожившіе, люди искусившіеся въ жизни стали смотрѣть на зарождающуюся дѣятельность женщины, какъ на пустую претензію. Что же касается до самихъ женщинъ, то онѣ большею частью повторяли, что имъ нашептывали мужчины; сами-же отъ себя

рѣдко что говорили, даже хотя бы въ интересѣ семьи. Вопросъ о женщинѣ сдѣлался такимъ образомъ вопросомъ роковымъ; потому что пошелъ совершенно врозь и даже въ разрѣзъ съ вопросомъ о дѣтяхъ. Мы, поэтому, считаемъ себя чрезвычайно счастливыми, что намъ удалось эти вопросы поставить въ неразрывной связи и къ ужасу благонамѣренныхъ, но порядкомъ струсившихъ людей, возстать противъ господъ, сочинившихъ у насъ бездѣтный прогрессъ *).

Чтобы быть послѣдовательными, мы на этотъ разъ, впрочемъ, не ограничимся оцѣнкою мнѣній нашихъ отечественныхъ эмансипаторовъ, а посмотримъ также, какъ судятъ и рядятъ объ этомъ и иностранные писатели. Извѣстный экономистъ, знаменитый философъ и многопрославленный историкъ, имена которыхъ поставлены въ заглавіи этой статьи, составляютъ давно уже кладезь мудрости, изъ котораго черпаетъ съ избыткомъ наша литература; разобрать ихъ мнѣнія по женскому вопросу весьма поэтому любопытно и тѣмъ болѣе, что всѣ три означенные автора разсуждаютъ о женскомъ вопросѣ довольно разнообразно. Между Миллемъ и Контомъ была даже когда-то горячая переписка по этому случаю; результатъ и выводы изъ нея собственно и составляютъ содержаніе недавно появившейся переводной брошюры Милля **). Контъ, какъ оказывается, относился къ эмансипаціи женщинъ самымъ отрицательнымъ образомъ; Милль на оборотъ подходитъ въ этомъ отношеніи отчасти къ соціалистамъ. Что-же касается до Бокля, то онъ, считая этотъ вопросъ какъ-бы рѣшеннымъ, разсуждаетъ уже о вліяніи, которое оказала женщина на успѣхи знанія; и въ этомъ опять, какъ увидимъ, противорѣчитъ от-

*) Смотри мою брошюру — *Женщина и Дѣти.*

**) „Подчиненость женщины“ соч. Д. С. Милля. Переводъ съ Англійск. Н. Михайловскаго, съ приложеніемъ писемъ Конта 1869 г.

части и Миллю, и Конту. Разберемъ-же по порядку это въ своемъ родѣ интересное столкновеніе трехъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильныхъ умовъ.

II.

Контъ при своемъ крайне консервативномъ взглядѣ на женскій вопросъ, конечно менѣе всѣхъ правъ; но, какъ человѣкъ убѣжденный и умѣющій видѣть недостатки противника, онъ представляетъ Миллю возраженія, обнаруживающія, какъ нельзя лучше, слабыя стороны Миллевскаго ученія о женщинѣ. Такъ, Контъ совершенно справедливо возстаетъ противъ его сравненія положенія женщины съ положеніемъ раба; между тѣмъ, Милль на проведеніи этой паралели особенно долго останавливается и всѣ выраженія его при этомъ отличаются такою рѣзкостью, какая обыкновенно не характеризуетъ знаменитаго экономиста.

«Развѣ рабовладѣльцы Южныхъ Штатовъ, восклицаетъ Милль, разумѣя супруговъ, не отстаивали тѣже самыя учрежденія со всѣмъ фанатизмомъ, съ какимъ люди защищаютъ теоріи, оправдывающія ихъ страсти и узаконивающія ихъ личные интересы? Развѣ они не призывали небо и землю въ свидѣтели того, что владычество бѣлаго надъ чернымъ естественно, что черная раса отъ природы не способна къ свободѣ и создана для рабства? (28 стр.) Жена въ настоящее время еще въ полномъ смыслѣ невольница мужа, — нисколько неменѣе невольница, относительно легальной обязанности, чѣмъ настоящіе купленные рабы» (74 стр.). Далѣе, приравнивая положеніе замужней женщины къ положенію главнаго героя въ извѣстномъ романѣ Битчеръ Стоу, Милль говоритъ: «Дядя Томъ у своего перваго господина имѣлъ домашнюю жизнь въ

своей хижинѣ почти такую-же, какъ и всякій мужчина, который, уходя изъ дома на работу, можетъ имѣть ее въ своемъ семействѣ. Жена, другое дѣло. Къ какому-бы скоту мужу ни была она прикована, хотя-бы она знала, что онъ ее ненавидитъ, хотябы онъ каждый день доставлялъ себѣ наслажденіе истязать ее, хотя-бы она чувствовала что ей невозможно отнестись къ нему иначе, какъ съ отвращеніемъ — этотъ скотъ мужъ имѣетъ всегда право требовать отъ нея того, что всего болѣе унизительно для человѣческаго существа, — чтобы она сдѣлалась орудіемъ животнаго отправленія, противнаго ея склонности» (77—78 стр.).

Къ чему тутъ приведенъ примѣръ скота-мужа мы рѣшительно не понимаемъ. Человѣкъ, къ которому можно приравнять названіе животнаго, способенъ поступить такъ не только въ отношеніи жены, но и въ отношеніи посторонняго ему существа. О скотахъ и рѣчи не должно быть, когда дѣло идетъ о человѣческихъ отношеніяхъ. Да и противъ скотовъ людей есть судъ. Милль говоритъ «что послѣдній мужъ пользовался и будетъ пользоваться своей долей власти на равнѣ съ первымъ вельможей». Но это едвали вѣрно: за мужикомъ всегда останется право грубой силы, за человѣкомъ-же сколько нибудь смягченнымъ цивилизаціею—наклонность къ сердечнымъ влеченіямъ и стремленіе улучшить бытъ и положеніе любимаго имъ существа: иначе-бы невозможно было никакое счастіе въ жизни. Самая даже лесть и заискиваніе, столь щедро разсыпаемыя женщинамъ писателями всего міра — что это такое, какъ не живое доказательство того глубокаго сочувствія и уваженія, которое завоевала себѣ женщина? Можно, конечно, и должно говорить объ односторонности ея образованія, о неприготовленности къ труду и самой стѣсненности путей ея дѣятельности, но нельзя уже говорить о рабствѣ. Прогрессъ, происшедшій въ отношеніяхъ половъ, несомвѣ-

невъ. Будемъ же безпристрастны. Постараемся быть одинаково далекими, какъ отъ ригоризма древнихъ анахоретовъ, видѣвшихъ въ женщинѣ только исчадіе зла, такъ и отъ идеализма новѣйшихъ утопистовъ, смотрящихъ на нее часто совсѣмъ по юношески.

Законъ, конечно, подчиняетъ жену мужу; но семья держится главнымъ образомъ не крѣпостью юридическихъ обязательствъ, а силою нравственныхъ влеченій и семейныхъ инстинктовъ, и влеченія эти и инстинкты такъ иногда бываютъ сильны, что сердце супруговъ или любовниковъ предписываетъ какъ-бы свой собственный законъ. По этому мы и видимъ не рѣдко, что не жена мужу повинуется, а на оборотъ мужъ женѣ. Законъ, хотя и строгъ буквально въ отношеніи семейной іерархіи, но, на самомъ дѣлѣ, старается всѣми мѣрами обойти всѣ домашнія недоразумѣнія и дѣятельность юриста только скользитъ по поверхности семьи; такъ какъ семья вся построена на нравственныхъ, выходящихъ изъ предѣла писаннаго закона, влеченіяхъ. Значитъ, весь деспотизмъ и гнетъ, испытываемый замужними женщинами, зависитъ нестолько отъ юридической или церковной санкціи, совершаемой въ интересѣ дѣтей, сколько отъ степени грубости нравовъ.

Но мы видимъ, скажутъ намъ, вездѣ страшный семейный разладъ и обоюдное столкновеніе половъ. Не доказываетъ ли всё это ненормальности правъ мужчины и неослабѣвающаго подчиненія женщины? Напротивъ, этотъ самый разладъ или борьба показываютъ, что женщина болѣе уже не раба и не невольница, какъ думаетъ Милль. Если бы тиранія мужчинъ дѣйствительно не уменьшалась, то тогда бы семейной борьбы не было и въ зародышѣ, а домашняя жизнь имѣла снаружи чрезвычайно благонравный видъ. Но случилось не такъ: за-

воевавъ себѣ мѣсто въ сердцѣ мужчины, женщина простерла свои желанія и дальше, и хочетъ быть не только хозяйкою дома, но и хозяйкою своего мужа. Мужъ стремится еще удержать господство надъ женою, а жена надъ мужемъ: въ этомъ теперь одна изъ самыхъ частыхъ причинъ домашняго разлада. Значитъ дѣло идетъ уже не объ освобожденіи изъ подъ ига рабства, а о возстановленіи, нарушенной новымъ положеніемъ женщины, семейной гармоніи.

«По всѣмъ изложеннымъ причинамъ, естественнымъ и общественнымъ, говоритъ Милль, нѣтъ никакого вѣроятія чтобы *женщины коллективно возмутились* противъ мужской власти.» (35 стр.). Вонъ уже о чемъ заговорили западные эмансипаторы! Что же послѣ того можетъ придти въ голову нашимъ, которые обыкновенно поютъ съ ихъ голоса?.. Коллективнаго возмущенія женщинъ конечно нѣтъ и быть не можетъ; но въ раздробь оно существуетъ. Способы воспитанія, роды занятій, литература, — все разразниваетъ теперь полы, больше же всего литература. Касаясь въ высшей степени неосторожно до деликатнаго женскаго вопроса, писатели нашего времени отыскиваютъ не пути для возстановленія нарушеннаго согласія, а препоны; потому что, твердя женщинѣ только о гнетѣ да о рабствѣ, они настраиваютъ ее на враждебный, непримѣримый тонъ. Семейная исторія, вслѣдствіе литературныхъ причинъ, — прочтенія тамъ какой нибудь книги или статьи, теперь самое частое явленіе. И кто въ послѣднее время не знаетъ случаевъ, что такая-то оставила или ушла изъ семьи, прочтя такую-то и такую-то книгу? Настоящая эпидемія этихъ литературныхъ побѣговъ началась, впрочемъ, у насъ недавно и именно съ появленіемъ романа «Что Дѣлать». — Дѣлать скандалы, послѣдовалъ отвѣтъ со стороны многихъ женщинъ: озорничество явилось, такимъ образомъ, единственнымъ противодѣйствіемъ мужскому притѣсненію.

Самъ авторъ, конечно, испугался бы того успѣха, которымъ пользовался въ свое время, его романъ. Миллевская брошюра о женщинахъ неимѣетъ конечно наркотическаго значенія; тѣмъ не менѣе и она можетъ пріобрѣсти такой же незавидный успѣхъ, если только общество не переваритъ ее какъ слѣдуетъ. Милль, сочиняя ее, имѣлъ въ виду конечно Европу, а не исключительное, до нѣкоторой степени, положеніе русской женщины. — Но издатели и переводчики должны бы были принять это въ расчетъ и потому яснѣе растолковать, что женщина у насъ къ счастью пользуется не только правомъ располагать своимъ имуществомъ, но и правомъ пользоваться половиною мужнинаго содержанія въ случаѣ разлуки. Все негодованіе Милля противъ стѣсненнаго положенія женщинъ является поэтому какъ бы удвоеннымъ зарядомъ, пущеннымъ невпопадъ.

Если судить безпристрастно, не увлекаясь настроеніемъ минуты, то помянутая, брошюра уже потому не можетъ имѣть особеннаго значенія для русскаго общества, что Милль писалъ её, нисколько не справившись съ исторіею русской женщины, а потому и высказываетъ многое, что совсѣмъ не можетъ быть примѣнено къ ней. А наши то барышни читаютъ, волнуются. Вотъ они какіе тираны эти мужчины! Избирательныхъ правъ насъ даже лишили. Позвольте, русская женщина не лишена правъ. Купчихи принимаютъ у насъ участіе въ управленіи общественными дѣлами. На выборахъ же дворянства голосъ женщины всегда вмѣлъ значеніе. Закономъ, наконецъ, утверждено участіе женщины въ земскихъ выборахъ. Въ женщинахъ, выступавшихъ въ роли правительницъ, у насъ тоже небыло недостатка. Съ самыхъ древнихъ временъ русская женщина стала являться въ историческихъ роляхъ. — Ольга, Марфа Посадница, Елена Глинская, Софья Алексѣевна, Екатерина I, Елизавета, Анна

Іоанновна, Екатерина Великая. Чья исторія представляетъ столько женскихъ именъ? Были у насъ и примѣры занятія женщинами очень важныхъ должностей. Княгиня Дашкова была президентомъ Академіи Наукъ; а Великая Княгиня Марія Николаевна, къ немалой конечно чести русскихъ женщинъ, состоитъ и теперь президентомъ Академіи художествъ. Замѣчательно также то дѣятельное участіе, которое принимали у насъ женщины въ устройствѣ заведеній, болѣе или мѣнѣе облегчающихъ положеніе ихъ пола въ средѣ мужчинъ. Екатериною II учрежденъ у насъ Воспитательный домъ; Императрицей Маріей Θеодоровной основано множество женскихъ учебныхъ заведеній, а равно другихъ благотворительныхъ и лечебныхъ учрежденій для женщины. И духъ Великой Екатерины не остовляетъ насъ и до сихъ поръ. Въ вѣдомствѣ Императрицы Маріи Θеодоровны положены теперь штатныя мѣста для женщинъ бухгалтеровъ, съ очень выгоднымъ окладомъ жалованья. Шагъ важный, за который нельзя не быть благодарнымъ означенному вѣдомству. Начальство женскихъ учебныхъ заведеній тоже хочетъ открыть женщинѣ доступъ къ учительскимъ мѣстамъ. Телеграфное вѣдомство, въ числѣ первыхъ пріютившее у себя трудящихся женщинъ, продолжаетъ расширять доступъ для женщинъ телеграфистокъ. Женскіе курсы, наконецъ, процвѣтаютъ; такъ что вся участь женскаго вопроса зависитъ теперь отъ степени такта и умѣренности, съ какой поведутъ себя женщины учащіяся и трудящіяся.

III.

Но возвратимся къ нашему автору. Его слишкомъ горячая и такъ сказать рыцарское стремленіе къ освобожденію женщинъ изъ подъ ига невольничества есть еще не единствен-

ная погрѣшность, замѣчаемая въ книгѣ. Слѣдя далѣе, мы видимъ вдругъ, что Милль, къ немалому удивленію, уже отчасти заявленному въ нашей журналистикѣ (см. Отечественныя Записки NX, 1869), не только что обходитъ совсѣмъ семейный вопросъ, но даже выставляетъ семейное положеніе чѣмъ то вродѣ помѣхи къ общественной дѣятельности женщинъ. Въ сожительствѣ мужа и жены душа въ душу, въ невольномъ самоподчиненіи ихъ другъ другу онъ видитъ только предлогъ къ рабству а въ сколько нибудь неровномъ добываніи средствъ къ существованію, со стороны каждаго изъ супруговъ, верхъ несправедливости. Оно, быть можетъ, со стороны экономической и должно быть такъ; но со стороны житейской или просто человѣческой выходитъ не то. Если гдѣ допустимъ коммунизмъ отношеній, то это конечно въ семьѣ. «При порядкѣ, основанномъ на полной справедливости, говоритъ Милль, не слѣдуетъ желать, какъ общаго для всѣхъ правила, что бы жена увеличивала своими трудами семейный доходъ.... Доходъ этотъ дастъ мужу еще большую возможность употребить свою власть во зло т. е. заставить её работать и предоставить пропитаніе семейства ея труду; между тѣмъ какъ онъ самъ посвящаетъ время пьянству и праздности». (119 стр.) Опять неумѣстное и даже нелогическое слово. Пьянство, конечно, большой недостатокъ, а праздность даже и мать пороковъ; но не всѣ же вѣдь мужья пьяницы и лѣнтяи, а потому отчего же женщинѣ и не вносить въ семью свою долю дохода, если она можетъ. «Женщина, говоритъ авторъ, выходя замужъ, собственно уже выбираетъ себѣ родъ занятій, точно также какъ мужчина, выбирающій профессію: о ней можно сказать, что она посвящаетъ себя веденію хозяйства, воспитанію дѣтей, какъ спеціальности на столько лѣтъ своей жизни, сколько потребуется на это дѣло и потому отказывается на это время не отъ всякихъ другихъ занятій вообще, но отъ занятій, по-

мѣшавшихъ бы ей въ исполненіи избранныхъ ею обязанностей.» Что же изъ всего этого по мнѣнію Милля выходитъ? — А то, что «постоянныя систематическія занятія, внѣ дома, (т. е. производительный трудъ среди общества), не могутъ входить въ програму большинства замужнихъ женщинъ. (121 стр.)».

И такъ, замужство оказывается главною помѣхою къ общественной дѣятельности женщины. Какъ ни изворотливо выражается Милль по этому пункту, но мысль выходитъ до крайности не двумысленна, и тѣмъ болѣе, что самое устраненіе женщинъ отъ общественныхъ занятій Милль называетъ, въ другомъ мѣстѣ, побудительнымъ средствомъ къ замужству со стороны мужчинъ. Мужчины, говоритъ онъ, для того не допускаютъ женщинъ до общественныхъ должностей, чтобы принудить ихъ выходить замужъ. Не наоборотъ ли, — чтобъ не женится развѣ? Для замужнихъ женщинъ, почуствовавшихъ вдругъ особенное призваніе къ какому нибудь роду занятій, предусмотрительный экономистъ тоже составляетъ своего рода программу: «Онѣ, говоритъ Милль, должны слѣдовать своему призванію, не смотря на бракъ; при чемъ всегда найдется способъ какъ нибудь иначе уладить неудобства, которыя неизбѣжно вкрадутся въ семью и въ хозяйство, вслѣдствіе неполнаго исполненія ею простыхъ обязанностей хозяйки и матери семейства. (121 стр.) «Понятно, что тутъ говорится не о мелочахъ какихъ нибудь, а о тѣхъ сдѣлкахъ съ нравственностью, къ которымъ прибѣгаютъ по необходимости въ случаѣ распаденія семьи.

Но если бы даже мы поняли Милля и нѣсколько мягче, принявъ въ расчетъ нѣкоторыя оговорки, которыя онъ, какъ бы спохватясь ставитъ подъ конецъ, то и тогда взглядъ на замужство и незамужство, какъ на два отдѣльные періода дѣятельности женщинъ семейную и общественную, не выдерживаетъ критики. Если всякая дѣвушка будетъ думать, что она должна

заниматься производительнымъ трудомъ только до перваго поцѣлуя, что трудъ ея срочный, временный, то она ничего путнаго не сдѣлаетъ. И когда, наконецъ, ей будетъ время что нибудь сдѣлать? За мужъ выходятъ и въ 20 лѣтъ. А многое ли человѣкъ можетъ сдѣлать до 20? Широкая общественная дѣятельность развертывается большею частью только въ 30 и 40 лѣтъ; значитъ, кладя предѣлъ женскому общественному труду до замужства, мы тѣмъ самымъ съуживаемъ этотъ трудъ: такъ какъ ни какая научная или служебная карьера выrости вполнѣ не можетъ въ какіе нибудь три, четыре или пять лѣтъ. На возвратъ женщины, въ годы вдовства или доказанной бездѣтности, расчитывать опять странно: разъ оставленное дѣло не скоро уже дается въ руки; все требуетъ продолжительнаго навыка и непрерывнаго труда, чтобы вышла существенная польза обществу. Женщина же должна конечно думать не о томъ только, что бы ей былъ заработокъ. — Расчитывать на вѣчное ея замужество, хотя бы и ради высокихъ цѣлей, тоже опять нелѣпо. Одинокая жизнь есть жизнь неполная и даже сокращающая срокъ нашего существованія. Сказано: не хорошо жить одному. Общество должно по этому озабочиваться только о большемъ раскрытіи занятій для незамужнихъ, въ виду ихъ обезпеченія и даже въ виду сохраненія общественной нравственности (женщина падаетъ только изъ нужды— это аксіома); но отнюдь не препятствовать продолжать свой трудъ и по выходѣ ея замужъ. Если женской общественной дѣятельности нельзя примирить съ семейнымъ принципомъ, то тогда Богъ съ нимъ и съ женскимъ трудомъ: игра не стоитъ свѣчь. Но этого къ счастью нельзя думать вполнѣ развитому человѣку.

Но сила софизма или антилогическаго движенія мысли такъ разрушительна, что Милль, осудивъ замужнихъ женщинъ какъ бы на вѣчное бездѣйствіе, а незамужнихъ на вполнѣ произво-

дительную дѣятельность, въ той же самой книгѣ ставитъ себѣ и опроверженіе. Разсуждая о томъ вредномъ вліяніи, которое можетъ произвести на образованнаго развитаго мужа жена, ограниченая въ своихъ интересахъ, Милль говоритъ, «Существо высшее по уму не можетъ безнаказанно замкнутся въ домашней жизни.... Даже истинно замѣчательный человѣкъ почти всегда начинаетъ спускаться, когда онъ постоянно вращается въ обществѣ женщины, стоящей ниже его.... Вслѣдствіе этого мы постоянно видимъ, что молодые люди, подававшіе самыя блестящія надежды, обыкновенно перестаютъ совершенствоваться, какъ только женятся, а не совершенствуясь неизбѣжно спускаются ниже и ниже.»—(237 и 238 стр.).

И такъ, у Милля выходитъ съ одной стороны, что самое лучшее средство для вполнѣ свободной общественной дѣятельности женщинъ—эмансипароваться отъ мужей или совсѣмъ не выходить замужъ, а самое вѣрное средство погрязнуть въ тинѣ житейской—жениться на женщинѣ, яи къ чему не способной. Но такъ какъ женится и замужъ выходить, не смотря на это, все таки будутъ, а дѣти нарождаться не перестанутъ, то прогресивная оживляющая дѣятельность незамужнихъ будетъ уравновѣшиваться ретроградною отупляющею дѣятельностью супругъ и въ результатѣ выдетъ, такимъ образомъ, нуль.

IV.

Раздѣляя женщинъ какъ бы на двѣ категоріи — женщинъ матерей и хозяекъ, и женщинъ холостыхъ и трудящихся, Милль не высказываетъ, впрочемъ, ничего новаго. Образованіе Аспазіи и нравственность кухарки еще, изъ поконъ вѣка, были въ ходу; и задача передовой женщины именно и состоитъ въ томъ, чтобы пройдти между этими

двумя путями. Такіе сильные мыслители, какъ Контъ, собственному потому и запнулись о женскій вопросъ, что явились женщины, которыя въ своей общественной дѣятельности захотѣли воскресить типъ древней Аспазіи. Между тѣмъ какъ Милль въ этомъ образѣ не видитъ, кажется, ничего несовмѣстнаго съ общественной организацiей (172 стр.), Конта онъ просто пугаетъ. Наиболѣе сильныя мѣста у него не тѣ, гдѣ онъ говоритъ о неспособности женщины къ разнымъ занятiямъ, а тѣ, гдѣ онъ затрогиваетъ женщинъ, вполнѣ эмансипировавшихся въ любви. Помянувъ о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ женщинахъ прошедшаго столѣтія, Контъ прибавляетъ: «Въ наше время, подъ мужскимъ псевдонимомъ прославилась одна писательница; но по моему мнѣнію, она далеко ниже этихъ достойныхъ женщинъ, не только съ точки зрѣнія приличія, но и по отсутствію женской своеобразности.» Далѣе, назвавъ слишкомъ можетъ быть рѣзко все произведенное Жоржъ Зандомъ движеніе увеличеніемъ разнузданности, Контъ заключаетъ: «Доведя принципъ эмансипаціи (жоржзандовской) до его крайнихъ логическихъ предѣловъ, онъ оказался бы задержкою дальнѣйшаго воспроизведенія рода человѣческаго » Вотъ въ чемъ истинная разгадка той ретроградности взглядовъ на женскій вопросъ, которая такъ упорно удерживается въ умахъ болѣе осторожныхъ мужчинъ. Въ нихъ говоритъ инстинктъ отцовъ; въ тѣхъ же, которые готовы промѣнять женскую добродѣтель на поверхностныя знанія, только холостые позывы. И какъ было въ самомъ дѣлѣ не испугаться этихъ синихъ чулковъ, громко говорившихъ, что «сердце женщинъ достаточно широко, чтобы совмѣщать въ себѣ многія привязанности и что чѣмъ многочисленнѣе, сильнѣе и искреннѣе эти привязанности, тѣмъ сердце пріобрѣтаетъ больше силы и теплоты.» Очень интересно въ этомъ отношеніи наблюдать тотъ ужасъ, который возбуждаетъ жоржзандовская теорія любви въ ученыхъ и цѣлому-

древнихъ нѣмцахъ. Такъ Юліанъ Шмидтъ въ очень большомъ смущеніи доноситъ читателю, что говоритъ Жоржъ Зондъ въ своемъ предисловіи къ Индіанѣ: — «Авторъ считаетъ себя обязаннымъ изображать общество не въ добродѣтельномъ видѣ, а въ такомъ, въ какомъ оно существуетъ по необходимости и несомнѣнно, что въ дни нравственнаго развращенія бракъ есть своего рода геройство.»—Представьте же себѣ теперь, что, если всѣ женщины станутъ считать бракъ за геройство, во что поставятъ его мужчины. Но Жоржъ Зандъ удивила свѣтъ тѣмъ, чего не ожидалъ никто и чего не было сдѣлано еще ни однимъ автобіографомъ; она стала разоблачать жизнь своихъ родителей.... Въ шестой книгѣ своихъ записокъ она говоритъ такъ, о своемъ рожденіи: Cet accident de quitter le sein de ma mère m'arriva à Paris, un mois juste après le jour, où mes parents s'engagèrent irrévocablement l'un à l'autre. Далѣе слѣдуетъ уже несравненно болѣе секретныя подробности о переходѣ ея матери изъ рукъ въ руки; такъ что ученый нѣмецъ, окончательно сконфуженный беззастѣнчивостью французской поэтесы, какъ бы восклицаетъ съ ужасомъ: О, нечестивая tochter! Объ этихъ промахахъ родителей публика конечно ничего бы не знала, если бы дочь не постаралась разоблачить исторію своей матери». *)

Какъ однако ни очевидны были порадоксы этой талантливой, но сильно заблуждавшейся женщины, примѣръ ея подѣйствовалъ и на многихъ мыслителей изъ мужчинъ. Примѣръ сильнѣе всего убѣждаетъ; и вотъ Жоржъ Зандъ, какъ женщина, стала авторитетомъ... Между тѣмъ въ томъ, что она проповѣдывала не было даже и слѣда мысли ей самой принадлежавшей, т. е. собственно чисто женскаго: всѣ ея романы были

---

*) См. объ этомъ подробнѣе *Искуство и жизнь*, критическія сочиненія Николая Соловьева, томъ II, стр. 264.

ничто иное, какъ поэтическій перифразъ коммунистической теоріи любви, гораздо ранѣе ея выдуманной мужчинами. Это одно только и оправдываетъ ея передъ потомствомъ. Ей именно недоставало, какъ справедливо замѣтилъ Контъ, женской своеобразности. Не перенося въ жизни ни малѣйшаго подчиненія мужчинамъ, она въ сферѣ мысли рабски за ними послѣдовала.

Но кто же вдохнулъ въ нее это идолослуженіе, этотъ піэтизмъ страсти (выраженіе Юліана Шмидта)? Утописты. Они, какъ извѣстно, первые предложили человѣчеству, а между прочимъ также и женщинамъ, полную эмансипацію страстей. Вѣря, что человѣкъ по природѣ ангелъ, они именно стали утверждать, что зло несвойственно нашей натурѣ, что желанія и страсти должны пользоваться самою неограниченною свободою, чтобы все пришло въ гармонію. До сихъ поръ нравственностью считалось одно, а безнравственностью другое; Фурье сказалъ: — принимайте все на оборотъ и тогда будете счастливы. Вотъ гдѣ источникъ премудрости всѣхъ современныхъ Аспазій и ихъ теперь отстаивающихъ Сократовъ.

V.

Мы потому то особенно и останавливаемся на пресловутой теоріи безнравственности, созданной впрочемъ очень нравственными людьми, что она не только вяжется съ существующими взглядами на женскій вопросъ, но и вообще дѣлаетъ не возможнымъ его разрѣшеніе. Чего не разумѣлось въ послѣднее время подъ словомъ нравственное начало? Соціалисты смѣшивали нравственность съ безнравственностью. Утилитаристы высочайшимъ нравственнымъ принципомъ ставили пользу. Позитивисты видѣли силу человѣческаго совершенствова-

нія только въ знаніи. Послѣднее положеніе, развитое преимущественно Боклемъ, особенно важно и читатели вѣрно на насъ не посѣтуютъ, если мы въ интересѣ избранной темы, остановимъ на этомъ ихъ вниманіе. Тѣхъ, которые будутъ не довольны нашимъ, быть можетъ, не достаточно почтительнымъ отношеніемъ къ знаменитымъ авторамъ, мы просимъ напередъ извинить насъ. Ни Бокля, ни Милля, ни Конта, ни Жоржъ Занда, и ни кого бы то ни было изъ кумировъ нашего времени, поставленныхъ на мѣста старыхъ авторитетовъ, мы буквально не заучивали и преклоняться предъ ними не намѣрены. Пусть обрушится на насъ вся ненависть и злоба боготворящихъ эти кумиры и страшно боящихся, чтобы они не ускользнули изъ ихъ рукъ, но мы всегда останемся при убѣжденіи, что производительная сила писателя заключается не въ исканіи популярности, основанной на колѣнопреклоненіи передъ прославленными именами, а въ добросовѣстномъ разборѣ ихъ дѣятельности. Не именамъ, а истинѣ мы должны кланяться.

Въ числѣ фактовъ, приводимыхъ Боклемъ въ доказательство того, что «не нравственное начало движетъ человѣчествомъ, а одно только умственное», его болѣе всего поражаетъ то, что крупныхъ нравственныхъ идей собственно не много, тогда какъ знаній научныхъ-неисчерпаемое количество. «Неоспоримо, говоритъ онъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ни чего такого, что бы измѣнялось такъ мало, какъ тѣ великіе догматы, изъ которыхъ слагаются нравственныя идеи... Но если мы сравнимъ то неподвижное состояніе нравственныхъ идей съ тѣмъ быстрымъ движеніемъ впередъ идей умственныхъ, то найдемъ самую разительную противоположность... Теперь, если цивилизація есть произведеніе нравственныхъ и умственныхъ факторовъ и если она подвержена безпрерывнымъ измѣненіямъ, то ясно, что движеніе цивилизаціи опре-

дѣляется не тѣмъ факторомъ, который остается не измѣннымъ. Измѣняется же только одинъ умственный факторъ. А если не нравственное начало движетъ цивилизаціей, то остается приписать это дѣйствіе одному умственному. (Исторія цивилизаціи въ Англіи 124 стр.)».

Дѣйствительно, скажемъ мы, великихъ основъ нравственности не много и что съ тѣхъ поръ, какъ человѣчество со знаетъ себя, онѣ не во многомъ измѣнились. Но и великихъ идей знанія, въ родѣ, напримѣръ, законовъ тяготѣнія, также не очень много и эти истины науки или законы природы тоже мало измѣнились въ представленіи человѣческомъ съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ Но положимъ даже, что послѣднихъ и больше, и что явленія физическаго міра болѣе изслѣдованы, чѣмъ явленія нравственнаго, — что же изъ того слѣдуетъ? Что они уже и дѣйствія не имѣютъ надъ вами? Ни въ какомъ случаѣ. Незнаніе законовъ природы, не уничтожаетъ ихъ силы надъ нами. Принципы жизни, или болѣе и менѣе формулированные законы нравственнаго міра, имѣли свое неоспоримое вліяніе и на исторію; а потому многое, что въ ней не объясняется ни силою изобрѣтеній и открытій и ни вліяніемъ физической природы, объясняется вполнѣ господствомъ извѣстнаго принципа. Возьмемъ хоть принципъ семьи. Уклоненіе отъ нормы или идеала брака, до котораго дошло человѣчество, отражается чрезвычайно осязательно на цивилизаціи различныхъ народовъ. При уклоненіи этой нормы въ одну сторону, въ сторону многомужства, является такъ называемая проказа новѣйшаго времени; при уклоненіи же въ другую сторону, — въ сторону многоженства, происходитъ истощеніе всѣхъ центровъ жизни; многоженство, котораго свято держатся жители Востока, именно и объусловливаетъ умственное и нравственное ничтожество народовъ, живущихъ въ полигаміи. Убійственное вліяніе этого ложнаго начала тѣмъ болѣе оказывает-

ся ощутительнымъ, что оно особенно процвѣтаетъ въ высшихъ влiятельныхъ сословiяхъ: султаны и паши считаютъ своихъ женъ цѣлыми сотнями. Ко всему этому еще присоединяется крайне униженное положенiе женщины и самое уродливое образованiе семьи. Тамъ, гдѣ нѣтъ въ настоящемъ смыслѣ мужа и жены, а только султанъ и невольница, нѣтъ также отца и матери въ томъ значенiи, какъ эти слова понимаются у насъ, нѣтъ и дѣтей, а только прiемыши; нѣтъ и преемственности. Жители Востока не имѣютъ даже фамилiй: сынъ не сохраняетъ прозвища отца. Народъ спасаетъ себя только повторенiемъ того, что сдѣлано предками, остается на одномъ историческомъ пунктѣ и никакiя климатическiя и географическiя условiя не въ состоянiи его подвинуть дальше. Большая часть народовъ Востока имѣютъ, поэтому, исторiю только въ началѣ, далѣе же слѣдуютъ бѣлыя страницы, постепенное увяданiе или неподвижность.

Бокль, поэтому, дѣлаетъ большой пропускъ въ своей «Исторiи цивилизацiи» тѣмъ, что, рядомъ съ разъясненiемъ влiянiя физической природы и влiянiя знанiй и изобрѣтенiй на исторiю, не раскрываетъ также и великой исторической силы идей и убѣжденiй, какъ это, напримѣръ, дѣлаютъ Гизо, Шлоссеръ и Гервинусъ. Если еще къ этому припомнить сколько Бокль заимствовалъ у Конта, Риттера и Кетле въ существенныхъ, основныхъ положенiяхъ своего труда, то тогда его отверженiе нравственнаго начала окажется едва ли не единственною оригинальностью. Но самая даже оригинальность эта имѣетъ, позволяемъ себѣ сказать, не болѣе какъ видъ ловко поставленнаго софизма. Нѣкоторые предметы и явленiя у него выходятъ даже какъ бы перепутанными. Такъ, ставя въ упрекъ моралистамъ мрачныя начала инквизицiи, Бокль говоритъ, что всѣ инквизиторы въ сущности были люди честные, неподкупные и справедливые и не смотря на это, однако, по незна-

нію совершали величайшія въ мірѣ жестокости. «Двигателями ихъ варварскаго ученія были, продолжаетъ онъ, не лицемѣры, а энтузіасты (131 стр.).» Здѣсь, очевидно, самое странное смѣшеніе понятія: инквизиторы никогда не были энтузіастами. Энтузіазмъ и фанатизмъ не одно и тоже: энтузіазмъ есть страстное горячее служеніе идеѣ, не противорѣчащее нисколько нравственному, общечеловѣческому чувству; фанатизмъ же есть мистическое увлеченіе, къ которому, вслѣдствіе отчужденія лицъ отъ всего мірскаго, человѣческаго, присоединяется извѣстная доля кровожадности. Мистицизмъ принялъ видъ фанатизма въ первый разъ у воинственныхъ Аравитянъ, распространявшихъ свою религію огнемъ и мечемъ; оттуда фанатизмъ перешелъ въ Испанію и произвелъ инквизицію со всѣми ея послѣдствіями. Странно, поэтому, видѣть въ кровожадности инквизиторовъ, что либо нравственное, а въ ихъ преступленіяхъ находить доказательства непригодности, неприложимости законовъ нравственнаго міра.

«Добрыя или нравственныя дѣла имѣютъ болѣе частный, скрытный характеръ», говоритъ Бокль и изъ этого выводитъ, что кругъ ихъ вліянія и передачи долженъ быть тѣсенъ. Для людей, смотрящихъ на жизнь не глубоко и видящихъ въ ней только болѣе или менѣе правильно устроенныя общества съ законами, полиціей, конечно это такъ; но для тѣхъ, которые за политическими ширмами усматриваютъ еще и тонкія нравственныя связи, изъ которыхъ зачинается ткань общественной жизни, дѣло получаетъ уже другой смыслъ. Самые даже законы и права, значеніе которыхъ въ исторіи цивилизаціи тоже опущено Боклемъ, не исчерпываютъ всего, что заключаетъ въ себѣ роевая жизнь массъ, подспудныя силы общества. Право есть только нормы, которыми разграничиваются между собою обязанности людей. При несовершенномъ развитіи, законы сложны, при полномъ—коротки, волѣ пред-

ставляется больше простора. Но чѣмъ же руководится тогда самая воля? Не выступятъ ли наружу звѣрскіе животные инстинкты. Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, если только человѣкъ будетъ держаться нравственныхъ началъ. Правый, значитъ, тоже что не виноватый; а въ жизни недостаточно, чтобы быть только передъ всѣми не виноватымъ. Сознаніемъ долга, справедливости опредѣляются границы обязанностей; содержаніе же этихъ обязанностей и добровольное побужденіе къ нимъ даетъ нравственное начало, любовь къ людямъ. Справедливость предпологаетъ безпристрастіе, а есть множество отношеній въ жизни, напримѣръ, родственныя, гдѣ люди не могутъ не быть пристрастными, самоотверженіе даже выказываютъ; а кто уже жертвуетъ собою, думаетъ о другихъ болѣе, чѣмъ о себѣ, тотъ въ нѣкоторомъ родѣ несправедливъ къ самому себѣ. Люди иногда дѣлаютъ и сверхдолжное. Нравственное начало есть именно тотъ принципъ, руководясь которымъ человѣкъ можетъ поступать съ безусловною свободою, не вредя никому: только оно дѣлаетъ человѣка обсолютно свободнымъ существомъ. Семья, безъ которой не можетъ существовать ни одинъ народъ, построена вся на нравственныхъ, выходящихъ изъ придѣла писаннаго закона, влеченіяхъ. Какъ же, поэтому, можно эти глубоколежащія въ человѣкѣ влеченія замѣнять искуственно придуманными тенденціями и во имя науки создавать какую то теорію безнравственности *).

VI.

Намъ возразятъ, что словомъ безнравственность въ настоящемъ случаѣ сказано уже слишкомъ много; но если, въ духѣ разбираемой доктрины, нравственный элементъ дѣйствительно получилъ такое безсодержательное значеніе, то отче-

*) См. объ этомъ подробнѣе — *Искусство и Жизнь*, томъ I, стр. 139—140 и томъ II, стр. 201 и 202.

го же и не назвать вещи настоящимъ именемъ. Для людей, вѣрующихъ въ эту доктрину, тутъ въ сущности ничего нѣтъ и обиднаго. Какъ со стороны проведенія въ литературу, такъ и со стороны примѣненія къ жизни, доктрина эта не подлежитъ ни малѣйшему упреку и отличается даже замѣчательною послѣдовательностью. Такъ сведя всѣ когда либо заявленныя требованія женщинъ на экономическую почву, эмансипаторы придали супружескому союзу какъ бы видъ торговой сдѣлки на равныхъ паяхъ; такъ, что вся загадка счастія женщины заключается по этой теоріи только въ томъ, чтобы свести свои счеты съ мужчиной. Сойдясь, и напервыхъ порахъ, мужчина и женщина еще могутъ какъ нибудь сосчитаться; но когда у нихъ явятся дѣти, то счетъ этотъ уже усложняется. Въ мужчинѣ, если онъ руководится не сердечнымъ влеченіемъ, а экономическими только соображеніями, естественно является стремленіе къ эмансипаціи отъ дѣтей; — отсюда кабинетная мораль Мальтуса и Фурье, которая во имя опасности размноженія людей стремилась облагородить проституцію, а во имя несовершенствъ парнаго сожительства устроить коммунистическіе браки. Переходъ къ обмужчиниванію женщины тутъ былъ уже не труденъ; такъ какъ женщина, настоящая женщина съ ея стыдливостью, слезливостью, и другими слабостями для общиннаго сожительства, конечно, не годилась.

Что стремленіе къ обмужчиниванію женщины и уничтоженію въ ней мирныхъ инстинктовъ есть явленіе довольно распространенное въ европейскомъ обществѣ, доказываютъ слѣдующія строки изъ Милля. «Англичанамъ, говоритъ онъ, вовсе не кажется неестественнымъ, что Англія управляется королевою; но имъ кажется въ высшей степени неестественнымъ, чтобы женщина была *солдатомъ* или членомъ парламента». (31 стр.) Ниже Милль очень подробно разсуждаетъ о необходимости для женщинъ парламентской роли; что же касает-

ся до возможности ея военнаго положенія, то онъ указываетъ, хотя по своей привычкѣ и осторожно, на феодальные вѣка, когда женщины привилегированыхъ сословій славились мужествомъ, припоминаетъ греческій разсказъ объ амазонкахъ и, наконецъ, одобрительно отзывается о спартанскихъ женахъ, которыя были обучаемы состязаніямъ наравнѣ съ мужчинами. — Ясно, такимъ образомъ, что для Милля важнѣе всего не то, чтобы женщина выступая на путь производительной дѣятельности, создала какую нибудь новую роль въ мірѣ или бы заняла тѣ должности, которыя сообразны съ ея натурою, а повторила бы рѣшительно все, что дѣлалъ до сихъ поръ исторически дѣйствующій мужчина, хотя бы это были даже кровопролитныя войны.

«Всѣхъ женщинъ, говоритъ онъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ воспитываютъ въ вѣрѣ, что идеалъ женскаго характера есть противуположность мужскому» (36 стр.). Но какъ не велики и неискоренимы, по видимому, умственныя и нравственныя различія между мужчиной и женщиной, доказательства въ томъ, что эти различія естественны, имѣются только отрицательныя. (56 стр.) То, что называютъ теперь природою женщины, продолжаетъ далѣе Милль, есть только результатъ принудительнаго стѣсненія съ одной стороны и неестественнаго подстрекательства съ другой. (52 стр.)» Словомъ Милль хотя и непрямо, но все таки очень ясно проводитъ вездѣ мысль, что существующія теперь различія между мужчиной и женщиной есть ничто иное, какъ слѣдствіе различія въ воспитаніи, обстановкѣ, или, какъ онъ выражается, законовъ вліянія обстоятельствъ на характеры человѣческіе. — Но Милль, позволяемъ себѣ замѣтить, упускаетъ тутъ изъ виду, что мужчина и женщина сами по себѣ есть не два характера, а двѣ натуры; что въ дуализмѣ человѣческой природы заключается одинъ изъ основныхъ законовъ жизни. Съ которой бы мы сто-

роны ни взглянули на міръ, онъ вездѣ состоитъ изъ двухъ сторонъ, изъ двухъ крайностей, взаимно другъ друга дополняющихъ. Есть тепло, есть холодъ, есть эгоизмъ, есть гуманизмъ, есть мужественность, есть и женственность. Женщина, такимъ образомъ, предназначена *дополнять* сдѣланное мужчиною, а не повторять только.

«Не среда, а организація дѣлаетъ насъ людьми а не обезъянами и собаками, говоритъ Контъ, возражая Миллю, и вообще организація, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ полагаютъ, опредѣляетъ наше положеніе, какъ въ природѣ, такъ и въ обществѣ». Такъ точно, скажемъ мы, и въ отношеніи половъ: не отъ воспитанія и среды идутъ, главнымъ образомъ, различія мужчинъ и женщинъ и опредѣляютъ ихъ положеніе въ средѣ человѣчества, а отъ организаціи; думать иначе—значило бы примѣнять законы Дарвина объ измѣняемости видовъ къ дифеициронанію половъ. Да такъ, впрочемъ, и дѣлаетъ одинъ изъ переводчиковъ Милля Михайловскій, который, должно быть, изъ страха, чтобы его не причислили къ благонамѣреннымъ, говоритъ очень много, въ своемъ предисловіи, о Бюхнерѣ, Фохтѣ, Гексли и Дарвинѣ, и даже пространно доказываетъ, что законами Дарвина теперь не только «стирается уже давно *слабое* различіе между животнымъ и растительнымъ царствомъ» (слышите слабое); но и является возможность объяснить этими законами «тотъ процессъ приспособленія, которымъ выработанъ современный женскій типъ (XXI—XIII стр.)» — Теорія измѣняемости видовъ прилагается, такимъ образомъ, господиномъ переводчикомъ и стихотворцемъ къ диференцированію половъ! Думалъ ли, гадалъ ли объ этомъ Дарвинъ, сочиняя свой знаменитый трактатъ?.. Мы нарочно приводимъ этотъ примѣръ смѣлости и умѣнья не останавливаться ни передъ какими выводами, лишь бы только они касались точнаго естествознанія, что онъ очень характеренъ въ нашей литературѣ. Че-

го, въ самомъ дѣлѣ, не дѣлается у насъ, ради привлеченія публики? Одинъ, какъ, напримѣръ, Португаловъ въ *Дѣлѣ*, доказывая, что климатъ не имѣетъ вліянія на здоровье человѣка, а только нищета и голодъ, откуда вы думаете беретъ свои аргументаціи? — Изъ наблюденій Дарвина надъ лошадью, на здоровье которой климатъ, дѣйствительно, не оказываетъ особеннаго вліянія! Другой, какъ Писаревъ, безъ запинки докладываетъ публикѣ, что до тѣхъ поръ, пока политика не обратится въ такую же точную науку, какъ астрономія, а исторія не приблизится къ химіи и всѣ вообще ученые не научатся диференціальному вычисленію, — и толку ни какого не выйдетъ. И все вѣдь это, замѣтьте, говорится на основаніи Дарвина, Конта или Бокля. Бѣдный Дарвинъ, несчастный Контъ и много пострадавшій въ нашей литературѣ Бокль! Чего съ вами у насъ не дѣлаютъ?.... Нѣтъ, никого изъ поименованныхъ нами авторовъ не порадовалъ бы этотъ странный успѣхъ въ нашей литературѣ, это чтеніе *ради моды*, а не ради сближенія съ европейскою литературою *).

Но возвратимся къ прерванному разсужденію. Писатели, стремящіеся примѣнить теорію Дарвина къ женскому вопросу, утверждаютъ, что диференцированіе половъ или удаленіе женскаго типа отъ мужскаго есть только результатъ могущественнаго вліянія среды. Что же изъ этого слѣдуетъ? Что съ узнаніемъ этого вліянія могутъ уравняться мужской и женскій организмы? Ни въ какомъ случаѣ. Дарвинъ объясняетъ только фактъ разчлененія видовъ, но не говоритъ, чтобы результаты этого разчлененія могли уничтожиться, чтобы, напримѣръ, собака сдѣлалась похожею на кошку, левъ на слона, голубь на

*) Что слова наши не преувеличеніе, доказываетъ на днахъ появившаяся реклама моднаго журнала *Ваза*, въ которой вмѣстѣ съ 24 модными картинками, 30 выкройками и 20 узорами, большою подушкой изъ англійской канвы, зимнимъ шарфомъ изъ берлинской шерсти и какого-то коврика, обѣщается также и *теорія Дарвина съ портретомъ автора*.

коршуна или женщина на мужчину. Нивелированіе организмовъ и характеровъ можетъ, пожалуй, быть въ цѣляхъ какого нибудь направленія, но не въ цѣляхъ природы, которая по самому существу своему стремится къ разнообразію, къ обособленію. Идея равенства, на которой Милль строитъ столько остроумныхъ соображеній по женскому вопросу, и непримѣнима даже въ настоящемъ случаѣ. Натуры мужчины и женщины такъ несоизмѣримы, что тутъ всякіе разговоры о сличеніи и сравненіи намъ кажутся нелогичными.

Между тѣмъ, Милль остановившись на діалектическихъ тонкостяхъ, по поводу сличенія мужчины съ женщиной, такъ запутывается, что говоритъ даже нѣчто противоположное своимъ прогрессивнымъ взглядамъ. Такъ, на 124 страницѣ, мы читаемъ: — «Можно, пожалуй, утверждать, что женщины въ цѣломъ мѣнѣе богато надѣлены мужчинъ нѣкоторыми изъ высшихъ умственныхъ способностей или что меньшее число женщинъ противъ мужчинъ годятся на занятія и должности высшаго и умственнаго разряда». Если Милль говоритъ, что можно, хотя въ нѣкоторой степени утверждать это, то онъ, значитъ, еще не убѣжденъ, что женщина сохранила свои природные инстинкты и что ей надо еще разойтись, чтобы стать совсѣмъ въ уровень съ мужчиной. Это, впрочемъ, думаетъ и не одинъ Милль, а многіе изъ самыхъ завзятыхъ эмансипаторовъ, воображающихъ, что программа женской дѣятельности вся у нихъ въ головѣ. Постоянное пониженіе уровня женскаго образованія, соображаютъ они себѣ, не могло не повліять на основы психической жизни женщинъ. Да это было бы такъ, если бы женщины родились только отъ женщинъ, а мужчины отъ мужчинъ и между полами не происходило бы перекрещиванія породы. Но этого нѣтъ; а потому мы и видимъ не мало дочерей, физически и умственно похожихъ на отцовъ, и на оборотъ сыновей, родящихся въ мать. Пониженіе уровня жен-

скаго образованія вліяло вообще на развитіе всей расы человѣческой, а не на однихъ только женщинъ. Миллевское *положимъ*, на счетъ нѣкотораго превосходства мужской натуры надъ женской, оказывается, такимъ образомъ, совершенно лишнимъ. ***Женщина, хотя и не вступила еще въ свою роль, но сохранилась всецѣло.***

VII.

Но установивъ принципъ умственной и нравственной сохраненности женщины въ средѣ человѣчества, мы должны также установить еще и принципъ самостоятельности, оригинальности ея натуры или, иначе, опредѣлить если возможно особенности такъ называемаго женскаго типа. О нѣкоторыхъ качествахъ женской натуры говорятъ, впрочемъ, и разбираемые нами авторы. Посмотримъ же, что они говорятъ.

Контъ, во первыхъ, утверждаетъ, что женская натура находится какъ бы въ состояніи совершеннаго дѣтства, что ея мозговой аппаратъ никогда еще не достигалъ полной зрѣлости, а потому и не подвергается, подобно подростающимъ дѣтямъ риску, отъ излишества въ умственныхъ упражненіяхъ. Контъ говоритъ, что это подтверждается даже анатомически и физіологически, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ: мнѣніе его есть не выводы изъ науки, а только выраженіе ходячихъ толковъ о значеніи женственности. Подъ словомъ женственность, дѣйствительно, разумѣютъ большею частью только слабость или дѣтскость, а иногда и вовсе ничего не разумѣютъ, считая это слово пустымъ, ничего не выражающимъ. Были даже женщины, которыя говорили о какихъ то мужскихъ качествахъ женщины (г-жа Конради). Никто не хотѣлъ понять, что кромѣ грубо-механическихъ пріемовъ и рѣзко ударяющихъ на чувство выраженій,—качества, которыми характеризуется такъ назы-

ваемое мужество, — существуютъ и другіе пріемы и другія выраженія мысли, которыми отличается женственность. Нѣтъ, *женственность есть не слабость, а тоже сила;* но сила другаго рода. Создавъ женщину съ болѣе слабыми мускулами и болѣе тонкими костями, природа тѣмъ самымъ показала, что сила ея не въ механикѣ, не въ насиліи. Женщина по организаціи своей скорѣе походитъ не на дѣтей, у которыхъ между физическою и умственною развитостью есть паралель, а на тѣхъ слабыхъ физически мужчинъ, которые проявляютъ большія умственныя силы. Замѣчательна также особенность женской натуры, противорѣчащая тоже взглядамъ на неё, какъ взрослаго ребенка, это быстрота ея физическаго и умственнаго созрѣванія. Еще юноша, смотришь, совсѣмъ ребенокъ и по виду и по характеру, а дѣвушка уже сформировалась: періодъ дѣтства, такимъ образомъ, у женщины короче, чѣмъ у мужчины. Далѣе никѣмъ еще не замѣчена важная особенность женскаго организма, что истощеніе нервной силы, не смотря на ея такъ называемую нервозность, тоже подвержено гораздо меньшимъ колебаніямъ и опасностямъ, чѣмъ у мужчины: у послѣдняго половая жизнь самымъ неразрывнымъ образомъ связана съ мозговымъ аппаратомъ; у женщинъ же мозгъ болѣе, такъ сказать, освобожденъ отъ животнаго влеченія, поэтому самое излишество не убиваетъ её такъ, какъ мужчину.

Оцѣнивъ, такимъ образомъ, взглядъ Конта, посмотримъ теперь, что думаетъ Милль объ особенностяхъ женской натуры. Хотя онъ имъ, какъ было сказано, и не придаетъ дѣйствительнаго значенія, а только случайное, зависящее отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но все таки не безъинтересно знать степень его наблюдательности надъ женской природой, и сличить приведенныя данныя съ наблюденіями другаго, не менѣе извѣстнаго мыслителя Бокля. «Глядя на женщинъ такихъ,

какими ихъ показываетъ намъ опытъ, можно о нихъ сказать съ большою достовѣрностью, что ихъ наклонности и способности вообще тянутъ ихъ къ практической сторонѣ жизни.... Открытіе великихъ общихъ принциповъ принадлежитъ области умосозерцательныхъ способностей; толковое же различіе отдѣльныхъ случаевъ, къ которымъ принципы эти приложимы или неприложимы, составляетъ практической талантъ и именно этимъ талантомъ женщины такія, какія онѣ есть, оказались въ высокой степени одарены.... Это тяготѣніе женщины къ настоящему, къ дѣйствительности, къ существующему факту, порождаетъ нѣкоторыя ошибки; но въ тоже время оно полезно, какъ противодѣйствіе заблужденіямъ созерцательныхъ умовъ... Женщина рѣдко увлекается въ погонѣ за отвлеченностью.» (142—147 стр.). Это говоритъ Милль; посмотримъ же теперь, что скажетъ намъ Бокль. Бокль утверждаетъ, что «Женщины отъ природы болѣе дедуктивны, а мужчины болѣе индуктивны», или, проще выражаясь, что женщины по складу своихъ способностей болѣе склонны мыслить, начиная прямо съ идей и переходя къ фактамъ, а мужчины, на оборотъ, начиная съ фактовъ и переходя потомъ къ идеямъ и соображеніямъ. «Предпочитая методъ дедуктивный, и поощряя въ мужчинахъ дедуктивныя (или созерцательныя) наклонности, женщины, продолжаетъ Бокль, оказали огромную заслугу въ томъ смыслѣ, что вліяніемъ своимъ не дали ученымъ исключительно быть индуктивными.» (Бокль. Вліяніе женщины на успѣхи знанія, 21 стр.). Далѣе, развивая подробно свою мысль о значеніи дедуктивнаго, или теоретическаго движенія способностей, столь присущаго, по его словамъ, женщинѣ, Бокль говоритъ, что теоретизація, какъ высшее отправленіе генія, передавалось главнѣйшимъ образомъ великимъ мыслителямъ черезъ матерей, чѣмъ и объясняется, по его мнѣнію, тотъ фактъ, что многіе геніяльные люди имѣли замѣчательныхъ матерей и отъ отцевъ мало заимствовали (47 стр.).

Бокль, такимъ образомъ, доказываетъ въ цѣломъ нѣчто совершенно противуположное, чѣмъ Милль. Въ мелочахъ, благодаря неопредѣленности выраженій, они иногда сходятся, но въ цѣломъ идутъ врозь. Милль говоритъ, что женщина имѣетъ наклонность къ существующему факту и не увлекается никогда отвлеченостями; Бокль, на оборотъ, утверждаетъ, что она особенно склонна къ отвлеченіямъ и начиная съ дѣйствительныхъ фактовъ мыслить не можетъ. Милль говоритъ, что женщины обуздываютъ созерцательные умы. Бокль же напротивъ думаетъ, что они ихъ поощряютъ. Неясно ли, что они оба не правы, оба равно ошибаются?. Стремясь раздѣлить какъ бы поровну душевныя способности человѣка, они даютъ женщинѣ порознь то, что отнимаетъ отъ нея другой. Но такое дѣленіе между полами въ психологическомъ отношеніи немыслимо; мужчина и женщина несомнѣнно обладаютъ всѣми душевными силами, которыми надѣленъ человѣческій индивидуумъ, хотя качество проявленія этихъ силъ и не одинаково, вслѣдствіе разности натуръ. У нихъ цѣль одна, но роли разныя. *Между мужчиной и женщиной есть, значитъ, подобіе, а не одинаковость; отъ этого между ними и не можетъ быть въ настоящемъ смыслѣ союза товарищества, а только союзъ супружества или братства.*

VIII.

Но въ чемъ же однако заключается существенная разность натуръ мужчины и женщины? Философскія обобщенія и діалектическія тонкости тутъ недостаточны, а потому мы должны обратиться къ фактамъ естествознанія. Что женщина въ физическомъ отношеніи представляетъ нѣчто совершенно своеобразное не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; свое-

образность эта выражается не только въ формѣ костей, мышцъ, расположеніи жира и въ очертаніяхъ членовъ, но и въ самомъ устройствѣ органовъ: женщина даже дышетъ иначе, чѣмъ мужчина—физіологи различаютъ дыханіе мужское отъ женскаго. Всякая женщина, можно сказать, въ тысячу разъ меньше похожа на своего близнеца брата, чѣмъ на другую совершенно чужую ей женщину. Естественно ли теперь предположить, чтобы такому глубокому физіологическому различію не соотвѣтствовало также и различіе психологическое, чтобы диференцированіе половъ не шло далѣе костей, мышцъ и формъ тѣла, и дуализмъ человѣческой природы былъ бы только внѣшнимъ фактомъ? Въ отношеніи нервной системы, по крайнѣй мѣрѣ, едва ли можетъ быть сомнѣніе. Наклонность женщины къ воспріимчивости, нервозности, истеричности—общеизвѣстный фактъ, и никакая грубость воспитанія не уничтожаютъ совсѣмъ этой особенности женскаго типа; только вираги и бываютъ ея лишены, но вираги или мужеподобныя дѣвы отнесены наукой къ патологическимъ явленіямъ; у насъ же ихъ вдругъ приняли за идеалъ.

Далѣе между мужчиной и женщиной замѣчается довольно существенная разница въ объемѣ мозга. Мозгъ у женщинъ несомнѣнно меньше. Хотя Милль и старается утѣшить женщинъ тѣмъ, что онъ «знаетъ человѣка, вѣшавшаго много человѣческихъ мозговъ, который говорилъ ему, что самый тяжелый изъ попадавшихся ему мозговъ былъ мозгъ женщины»; но кто былъ этотъ человѣкъ и какой женщины былъ мозгъ не сказано; такъ что фактъ этотъ, въ глазахъ знакомаго сколько нибудь съ пріемами точныхъ наукъ, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; тѣмъ болѣе, что есть примѣры взвѣшиванія мозга идіотовъ, которые въ отношеніи количества нервной массы, могли бы сконфузить даже Кювье. Дѣло тутъ не въ объёмѣ, не въ количествѣ нервной массы.

Грубые эмпирики и диллетанты естествовѣденія никакъ этого не могутъ понять. Что мозгъ у женщинъ меньше и спорить даже нельзя: она сама меньше и голова ея сравнительно меньшаго размѣра. Но что же это доказываетъ? Доказываетъ только то, что волокна нервной массы тоньше, и весь мозговой аппаратъ имѣетъ болѣе тонкое, болѣе изощренное строеніе; только это и можно вывести изъ сравнительно малаго объёма женскаго мозга.

Существуютъ, впрочемъ, и болѣе осязательные факты, указывающіе на эту тонкость или изощренность строенія нервной системы у женщинъ. Въ статьѣ «Объ отношеніи естествовѣденія къ искуству» *) было уже разъяснено нами, что самая характерная и замѣчательная по выводамъ разница между мужчиной и женщиной — есть ихъ голосъ. Мужчина беретъ болѣе низкіе тоны, женщина болѣе высокіе. Зависитъ, конечно, это прежде всего отъ разницы длины гортанныхъ связокъ голосовыхъ струнъ. У мужчины голосовыя струны равняются 18 миллиметрамъ, у женщины 12. Въ мускулахъ есть также разница: тогда какъ у мужчины голосовыя струны при натягиваніи мышцами увеличиваются на 5 миллиметровъ, у женщинъ только на 3. Волокна гортанныхъ мышцъ у женщинъ значитъ тоньше, а нервы острѣе, воспріимчивѣе; тотъ же механизмъ заключенъ въ меньшее пространство и захватываетъ болѣе быстрѣйшія движенія матеріи, болѣе высшіе тоны. Ухо или слуховые нервы у женщины тоже необходимо должны быть изощреннѣе; такъ игра гортанныхъ мускуловъ, то укорачивающихся, то удлиняющихся, то сжимающихъ, то расширяющихъ голосовыя струны, зависитъ отъ органа слуха. Ухо регулируетъ этою игрою гортанныхъ мышцъ; отсюда связь музыкальнаго слуха съ способностью къ пѣнію. Человѣкъ

*) См. подробнѣе *Искуство и Жизнь*, томъ I.

когда поетъ, слушаетъ каждую ноту, каждый полутонъ, выходящій изъ его гортани, — иначе онъ не совладѣлъ бы съ своимъ голосомъ. Теперь же извѣстно, что мужчина способенъ производить своимъ голосовымъ аппаратомъ тоны только съ болѣе медленными колебаніями воздуха, а женщина съ болѣе быстрыми; первый поетъ басомъ и теноромъ, вторая альтомъ и дискантомъ. Соотвѣтственно этому, конечно, и составъ слуховаго нерва долженъ быть у нихъ нѣсколько различенъ. Тѣ нервные волоконца или слуховыя клавиши, которыми схватываются низшіе тоны, должны быть болѣе развиты у мужчинъ, а тѣ, на оборотъ, и волокна и слуховыя клавиши, которыми воспринимаются высшія ноты, должны быть совершеннѣе у женщинъ. Не можетъ быть, чтобы различному строю голосовыхъ струнъ не соотвѣтствовало и приспособленіе въ нервной системѣ. Кастраты, поющіе въ католическихъ храмахъ, имѣютъ не только женскій голосъ, но и отчасти женственную физіономію и нравъ. Строй голосовыхъ струнъ, значитъ, имѣетъ связь со всѣмъ строемъ нервной системы.

Итакъ, женщина несомнѣнно ощущаетъ гораздо лучше мужчины быстрѣйшія колебанія матеріи; и это вѣроятно не въ отношеніи только органа слуха, но и другихъ чувствъ. Танцы, по крайнѣй мѣрѣ, указываютъ на такую же сравнительно большую изощренность чувство осязанія. Зрѣніе тоже едва ли не остается сохраннѣе, а потому и изощреннѣе у женщины; такъ какъ ея мозговой аппаратъ въ меньшей зависимости отъ животнаго инстинкта. Сколько есть мужчинъ, которые слѣпнутъ единственно отъ женщинъ, между тѣмъ женщины слѣпнутъ развѣ только отъ работы.

Но что же значитъ эта способность къ улавливанію быстрѣйшихъ колебаній матеріи, эта возвышенная воспріимчивость къ впечатлѣніямъ звука и свѣта, идущая въ параллель съ женскою нервозностью? — Движенія матеріи, отъ которыхъ

зависятъ гармоническія впечатлѣнія, всѣ большею частью движенія самыя быстрѣйшія; потому что, если для произведенія простаго опытнаго впечатлѣнія, дающаго намъ вообще понятіе о предметахъ, достаточно одного удара, одного прикосновенія или взгляда, то для произведенія гармоническаго - необходимо, чтобы этотъ ударъ, это прикосновеніе, этотъ взглядъ повторился, и вышелъ бы такимъ образомъ ритмъ: безъ ритма, безъ повторяемости никакое видимое или осязаемое движеніе не можетъ сложиться въ душѣ въ гармоническое впечатлѣніе, И повторяемость эта, обусловливающая изящное впечатлѣніе, должна быть очень велика: самый высшій музыкальный тонъ, схватываемый ухомъ, равняется 4,000 колебаніямъ въ секунду; самый же высокій тонъ свѣтовой гаммы, фіолетовый, требуетъ еще большаго напряженія нервной системы, а именно, мгновеннаго схватыванія 8 билліоновъ колебаній свѣтоваго эфира. Можно, поэтому, сказать, что ученый слѣдитъ за движеніями матеріи, сосчитывая ихъ въ умѣ, артистъ же— сосчитывая чувствами, инстинктивно. Въ этомъ инстинктивномъ созерцаніи высшаго порядка міра—гармоніи, заключается даже сущность эстетическаго вкуса. Если справедливо, что чувства женщины, какъ выше было объяснено, настроены на высшій тонъ и потому способны къ улавливанію тончайшихъ гармоническихъ движеній матеріи, то не естественно ли изъ этого заключить, что *женщина въ душѣ болье, чьмъ мужчина, артистъ*. Выводъ, конечно, неожиданный, но пусть не пугаются его женщины, — такъ какъ онъ даетъ, какъ увидимъ ниже, самые практическіе результаты.

Бокль доказываетъ въ своей извѣстной брошюрѣ, что вліяніе женщины на мужчину выражалось въ направленіи его способностей къ обобщенію, дедукціи; мы же, напротивъ, думаемъ, что она скорѣе всего влекла его ко всему поэтическому, отрывала его отъ праха земнаго, какъ выражается

Бокль самъ, и, наконецъ, служила для него источникомъ вдохновенія. Рѣдкій поэтъ не имѣлъ своей Беатриче. На нѣкоторыхъ страницахъ своей брошюры Бокль, впрочемъ, передаетъ нѣчто довольно близкое къ высказанному сейчасъ. «Женщины, говоритъ онъ, отличаются большею воспріимчивостью, большею способностью къ увлеченію, и болѣе живымъ воображеніемъ, чѣмъ мужчины; поэтому онѣ живутъ болѣе въ идеальномъ мірѣ» (22 стр.). За этимъ, приравнивая способность къ дедукціи къ поэтическому дару и, припоминая поэтовъ, въ родѣ Гёте дѣлавшихъ великія научныя открытія одною силою представленія, Бокль говоритъ: «Въ умѣ человѣческомъ есть дѣйствительно какое то духовно поэтическое, произвольно безпричинное начало, которое по временамъ внезапно даетъ намъ средства заглядывать въ будущее и овладѣвать истиною, какъ бы преждевременно.» (42 стр.) Вотъ этого то духовно поэтическаго начала Бокль, къ не малой конечно досадѣ своихъ петербургскихъ, а отчасти и московскихъ, поклонниковъ и поклонницъ, и предпологаетъ гораздо болѣе въ женщинѣ, чѣмъ въ мужчинѣ. Хотя мысль эта проглядываетъ въ его брошюрѣ и не ясно, переплетаясь вездѣ съ стремленіемъ похвалить женщинъ за дедуктивныя наклонности, а мужчинъ на оборотъ укорить; но на этой сторонѣ разсужденія онъ останавливается потому много, что брошюра его была въ нѣкоторомъ родѣ протестомъ противъ того небреженія къ философской, дедуктивной дѣятельности, которою отличалось послѣднее время (41 стр.) и которой причиною былъ отчасти онъ самъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ въ женщинѣ видитъ гораздо болѣе поэта чѣмъ философа въ строгомъ смыслѣ. «Женщины, говоритъ онъ, болѣе всѣхъ другихъ дѣятелей взятыхъ вмѣстѣ, стремились увлечь насъ въ идеальный міръ, оторвать отъ праха, въ которомъ мы, мужчины, слишкомъ склонны пресмыкаться и развить въ насъ тѣ зародыши воображенія, которыхъ не лишены

въ извѣстной степени даже самые лѣнивые и апатичные умы». (52 стр.) Не ясно ли, что Бокль смѣшивая понятія дедукціи съ вдохновеніемъ утверждаетъ, что женщина въ душѣ больше поэтъ.

IX.

Но область искуства для женщинъ нисколько не закрыта; отчего же между ними не явится ни одинъ Байронъ, ни одинъ Шекспиръ или Гёте? На это не трудно отвѣтить. Актъ творчества зависитъ не отъ того только, на сколько человѣкъ способенъ къ воспринятію идей красоты или истины, но и отъ того, на сколько сама жизнь предъ нимъ показывается, воображеніе наполняется, наблюдательность находитъ себѣ пищу. Жизнь же для женщины, въ большинствѣ случаевъ, сцена закрытая, сцена съ опущеннымъ занавѣсомъ и невидными для нея представленіями. Либо исполняющая должность няньки или просто хозяйки, экономки своего дома, либо разъигрывающая роль великосвѣтской куклы, женщина невольно является малоопытною во всемъ, что касается знанія жизни. Нечего и удивляться, что она еще такъ мало создала: матеріала жизни у нея еще не было подъ руками. Диллетантизмъ тоже заѣдалъ ея талантъ сильно. Единственное искуство, которому женщина посвящаетъ себя по профессіи,—это искуство сценическое и въ этомъ отношеніи, какъ справедливо замѣчаетъ Милль, она едва ли не выше мужчины. Всѣмъ же прочимъ искуствамъ женщину большею частью обучаютъ такъ, что этимъ только поддерживается увяданіе всякаго рода способностей. Извѣстно, что поверхностное отношеніе къ дѣлу не только портитъ самое дѣло, но и предовращаетъ возможность сдѣлать его когда нибудь хорошо: любознательность или влеченіе къ дѣлу истощается, никогда не переходя

въ страсть; дѣло либо противѣетъ, либо обращается въ игрушку. Такъ именно и было въ большиствѣ случаевъ съ женщинами, воспитанными на мнимо эстетическихъ принципахъ. Вкусъ ихъ изощрялся только на совершенствованіи по части модъ и нельзя не подивиться той чисто идеальной изобрѣтательности, которую она проявила въ этихъ мелочахъ. Что если бы эта изобрѣтательность, этотъ вкусъ примѣненъ былъ къ болѣе крупнымъ цѣлямъ, къ болѣе высшимъ областямъ искуства, какъ высказываетъ это серъ Джосуа Рейнольдсъ.

Недостатокъ благороднаго самолюбія, условливаемый мелочнымъ воспитаніемъ, тоже много вредитъ женщинамъ въ созданіи чего нибудь оригинальнаго, самобытнаго. Всѣ женщины большею частью только поддѣлываются подъ мужчинъ; отсюда ихъ страшная наклонность къ подражательности. Самая исторія женскаго вопроса показываетъ до какой степени женщина еще боится выступить на арену дѣятельности, *въ своей собственной роли и даже въ своей собственной одеждѣ*. Не платье мѣшало Жоржъ Зандъ, когда она, принявшись за свои романы, стала щеголять въ мужскомъ костюмѣ и не волосы затрудняли у насъ женщинъ, когда онѣ начали ихъ стричь, а легкомысленное желаніе скорчить изъ себя мужчину, уподобиться во всемъ своему милому спутнику жизни. Увидя въ мужчинѣ готовый такъ сказать идеалъ, женщина невольно впала въ каррикатуру. Если и мужчинѣ рѣдко идетъ въ прокъ подражаніе, то на женскія способности оно дѣйствуетъ положительно извращающимъ образомъ. Излишкомъ рвенія къ подражательности только и можно объяснить нѣкоторые не удачные шаги, сдѣланные современной женщиною. Мужчины, напримѣръ, вдались въ послѣднее время въ упорное и крайне нелогическое отрицаніе значенія изящнаго въ жизни и женщины отъ него отвернулись и, еще не побывавши въ храмѣ искуства, побѣжали въ анатомическій театръ.

Нѣтъ сомиѣнія, что современемъ должны быть и будутъ женскіе врачи: женщина въ извѣстныхъ случаяхъ только и можетъ быть лѣчима, какъ слѣдуетъ, женщиной же; точно также какъ и восприниманіе дѣтей должно быть исполняемо ею же. Но зачѣмъ дѣлать одно и отворачиваться отъ другаго? Читать только такъ называемыя хорошія книги и не читать произведенія образцовыя? А главное, зачѣмъ природу то въ себѣ уничтожать?

Искуство, при настоящемъ своемъ положеніи, можно сказать, болѣе нуждается въ помощи, въ содѣйствіи женщины, чѣмъ наука и даже гораздо болѣе, какъ увидимъ, открываетъ для нея практическихъ ролей. Что въ области науки сдѣлано болѣе чѣмъ въ области искуства, сомнѣваться невозможно ни его отрицателямъ, ни его почитателямъ. Въ прогрессивномъ значеніи науки еще ни одинъ разумный человѣкъ въ мірѣ не сомнѣвался; въ дѣйствительной же силѣ искуства сомнѣваются многіе. А это одно показываетъ, что въ наукѣ, которую вынесъ на своихъ плечахъ мужчина, едва ли многое придется прибавить женщинѣ; въ искуствѣ же передъ нею открываются самые необозримые горизонты. Она тутъ можетъ произвести не только новые образцы, но и совершить даже переворотъ въ пониманіи изящнаго.

Мужчина въ области искуства сдѣлалъ уже, можно сказать, всё, что только могъ сдѣлать и дошелъ даже всего имъ въ этомъ отношеніи возможнаго, обрѣзавъ уже себѣ нѣсколько крылья творчества, заставивъ смолкнуть многихъ поэтовъ и художниковъ. Но главный результатъ этой грубой, антиэстетической тенденціи мужчинъ заключается еще не въ этомъ: черезъ неё самой широкой струей влился въ область изящнаго цинизмъ. И если говорить безпристрастно, принимая въ расчетъ и болѣе взыскательные вкусы женщинъ, то много ли

найдется поэтовъ и художниковъ, произведенія которыхъ не были бы испещрены страницами и выраженіями, бьющими на поддразниваніе чувственности. Что пишетъ иногда высокоталантливый Гюго? Что попадается у геніальнаго Байрона? Какіе выраженія встрѣчаются у безсмертнаго Шекспира? Вынесутъ ли нервы всякой женщины чтеніе Жильблаза или Декамерона Бокачьо? О второстепенныхъ поэтахъ и беллетристахъ уже не говоримъ: они положительно являются иногда передъ публикой au naturel. И еще не рѣшено, что разрушительнѣе дѣйствуетъ на подрастающихъ дѣтей—пропаганда ли стереоскопическими фигурками или обращеніе съ соблазняющими беллетристами? А Офенбахъ въ музыкѣ или Нефъ въ живописи? Ихъ положимъ не много; но за то какова ихъ сила. Подлѣ какихъ картинъ въ Эрмитажѣ сидятъ художники, вооруженные кистью и палитрой? Подлѣ Нефовскихъ оригиналовъ. Вся провинція завалена ихъ снимками и политипажами. Канканный родъ, введенный въ балаганы и отчасти театры, процвѣтаетъ еще болѣе.

Иногда этого рода представленія доходятъ въ своемъ цинизмѣ даже до наивности. Въ одномъ изъ публичныхъ садовъ, гдѣ бываетъ много разнаго рода публики, наблюдалось разъ слѣдующее: по саду между густою толпою замѣтно было нѣсколько дѣвушекъ съ развязными манерами и нѣсколько лакеевъ, обращавшихъ на себя вниманіе услужливостью и вѣжливостью. Вдругъ звонокъ: живыя картины; публика выражаетъ нетерпѣніе. Подымается, наконецъ, занавѣсь; и все вдругъ видятъ на подмосткахъ сцены тѣхъ же самыхъ лакеевъ и дѣвушекъ, затянутыхъ въ трико и поставленныхъ въ позахъ боговъ и богинь. Послѣ они опять, какъ ни въ чемъ не бывало, одѣлись и прислуживали публикѣ. И все это дѣлается подъ предлогомъ искуства, и то-ли еще дѣлается; такъ что мы не сдѣлаемъ никакого преувеличенія, если скажемъ, что

искуство въ настоящій періодъ своего существованія столько же морализируетъ, сколько и развращаетъ; и немудрено: поэты, художники, музыканты — все это еще, что называется, мужская и даже холостая компанія. И мы не видимъ другаго средства для очищенія литературы, какъ бо̀льшее участіе въ ней женщины. Присутствіе женщины въ печати производитъ вліяніе нѣсколько подобное тому, какое производитъ и присутствіе ея въ обществѣ: гдѣ женщина принимаетъ бо̀льшее участіе въ печати, какъ напримѣръ въ Англіи, тамъ литература отличается и бо̀льшею сдержанностью.

Но литературой женщина конечно не должна ограничивать свое вліяніе. Забирая теперь въ свои руки разныя болѣе или менѣе прибыльныя мѣста, какъ то, должности карректоровъ, телеграфистокъ, стенографовъ, переводчицъ, бухгалтеровъ, прикащицъ, экономовъ и проч., женщина сдѣлается не только не лишнимъ членомъ въ общественныхъ учрежденіяхъ, но и внесетъ въ нихъ нѣчто свое. Она именно можетъ влить въ нихъ жизнь и очистить ту атмосферу мужской компаніи, которою они не рѣдко бываютъ пропитаны. Чтобы мужчина вполнѣ облагообразился нужно, чтобы женщина, порядочная женщина, нигдѣ его не оставляла. Въ шумныхъ собраніяхъ, трактирныхъ залахъ и тѣхъ клубахъ, куда женщинъ не пускаютъ, мы видимъ поэтому что-то не нормальное. Московскія дамы чрезвычайно хорошо сдѣлали, что, не довѣря слишкомъ своимъ благовѣрнымъ супругамъ, сами вошли въ рестораны и прямо съ передняго крыльца. Въ петербургскіе трактиры женщина тоже вхожа, но только съ задняго крыльца и, поэтому, не смотря на ихъ европейскій видъ, онѣ крайне не приглядны.

Но, высказавшись въ пользу совмѣстнаго труда и служенія обществу мужчинъ и женщинъ, мы положительно остаемся противъ ихъ совмѣстнаго обученія. Экономическое соображе-

ніе на счетъ того, что соединеніе мужскихъ и женскихъ школъ въ одну можетъ удешевить ихъ содержаніе, устраняется совершенно другимъ тоже экономическимъ соображеніемъ, именно, — возможностью серьезныхъ связей и явленіемъ потомства, что при неимѣніи заработка въ школьномъ быту значитъ много. Впрочемъ, если бы даже и обошлось какимъ нибудь образомъ безъ раннихъ грѣхопаденій, то стираніе мужскихъ и женскихъ качествъ неизбѣжно черезъ это послѣдуетъ и ко всему присоединится еще преждевременная зрѣлость. Окончаніе образованія въ учебныхъ заведеніяхъ всегда проводитъ особую границу въ жизни, за которою только человѣкъ и получаетъ право какъ заработывать, такъ и любить серьёзно.

Далѣе, при начинающемся и частью уже допущенномъ властью участіи женщины въ общественныхъ занятіяхъ, мужчина долженъ озаботиться, чтобы ея сравнительно слабѣйшій организмъ не обременялся непосильною работою. Можно сказать, что если бы машины не были изобрѣтены, то и возвышеніе положенія женщины было бы невозможно. Нельзя, поэтому, слишкомъ роптать на прошедшее въ этомъ отношеніи и, слѣдя за Миллемъ и его послѣдователями, вопить о тираніи мужей въ средніе вѣка. Тогда еще было царство грубой физической силы, едва лишь поколебленной идеями христіанской морали. Вездѣ господствовали люди сильные мускулами и ими все держалось. До женщины ли тутъ было съ ея воспріимчивыми нервами, податливыми мышцами, хрупкими костями и ея маленькимъ мозгомъ, вѣчно рвущимся отъ праха земнаго.

Теперь бы вотъ ея время, да не пришла еще для неё очередь освобожденія отъ египетскаго труда. Крестьянки наши еще жнутъ и косятъ и исполняютъ вообще работу, при меньшихъ физическихъ средствахъ, нисколько не меньшую, чѣмъ мужчина, и чрезъ это обыкновенно быстро увядаютъ и

старѣютъ. Фабричныя работницы тоже осуждены на однообразно механическій трудъ, при упражненіи отдѣльныхъ мышцъ рукъ или ногъ, сидѣніи или стояніи въ спертомъ воздухѣ и развращающей атмосферѣ фабричной жизни. Если гдѣ женскій трудъ менѣе умѣстенъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, то это конечно на фабрикахъ. Но это еще вопросъ будущаго: фабричное производство не только у насъ, но и за границей не можетъ обходиться безъ женскихъ и даже безъ дѣтскихъ рукъ. Далѣе заслуживаетъ вниманія общества въ числѣ должностей, исполняемыхъ женщиной, еще положеніе швей; онѣ въ настоящее время конкурируютъ, можно сказать, съ швейною машиной и конечно не къ своей выгодѣ: немного есть швей, которыя могутъ содержать себя своей иглой и своимъ искуствомъ. Ремесло это и получило оттого такой, какъ бы неприличный видъ, что оно крайне невыгодно, что машинный трудъ все болѣе и болѣе вырываетъ изъ рукъ женщины и иглу и спицы и разные крючки, посредствомъ которыхъ она работала до потери зрѣнія, до крайняго отупленія.

Гораздо лучше уже во всѣхъ отношеніяхъ положеніе женщины, исполняющей по найму разныя хозяйственныя обязанности, — трудъ кухарки, прачки, служанки и проч. Онъ, вопервыхъ, не такъ тяжелъ и утомителенъ и болѣе разнообразенъ, какъ физическое упражненіе. При теперешней же защищенности судомъ всякаго, поставленнаго въ низшее положеніе, онъ не имѣетъ и вида рабства, которымъ прежде отличался. Самый интересъ хозяина или хозяйки въ томъ, чтобы быть съ слугами въ возможно лучшихъ отношеніяхъ: слуга если не другъ, то врагъ.

Что же касается до труда няньки, то этотъ видъ желанной дѣятельности заслуживаетъ положительно глубокаго уваженія. Въ нашихъ русскихъ семьяхъ, нянька имѣетъ, такъ ска-

зать, историческое значеніе. Нянькою изъ народа воспитаны цѣлыя поколѣнія князей, бояръ и дворянъ; и не одинъ, быть можетъ, геній Пушкина просвѣтлѣлъ подъ разсказы и напѣвы о старинѣ, которыми было окружено его дѣтство. Даже въ крѣпостномъ состояніи этотъ женскій типъ, такъ живо представленный поэтомъ, не терялъ своего женственнаго облика, своей теплоты душевной. Правда, что нянькѣ всегда не доставало образованія; но это-то именно и должно прибавить наше время. Нелѣпый и ни съ чѣмъ не сообразный обычай отдавать своихъ дѣтей на руки швейцаркамъ и разнымъ чужеземкамъ потеряетъ тогда всякій смыслъ. Для нянекъ, какъ мы говорили, должны быть даже особыя школы, гдѣ бы онѣ, вмѣстѣ съ основными началами правильнаго и систематическаго ухода за дѣтьми, пріобрѣтали и познанія въ дѣтской гигіенѣ. А народная окраска если и останется при женщинѣ, ухаживающей за ребенкомъ, то тѣмъ лучше. Сказки, при употребленіи съ выборомъ, могутъ служить отличнымъ воспитательнымъ средствомъ, скажемъ мы наперекоръ всѣмъ, думающимъ убить въ ребенкѣ воображеніе. Ребенокъ не можетъ не жить воображеніемъ: для него дѣйствительная жизнь еще не существуетъ въ настоящемъ смыслѣ; она его дѣтскому мировоззрѣнію представляется даже чѣмъ-то несообразнымъ: у него своя жизнь и свой міръ. Ребенокъ, напримѣръ, говоритъ съ животнымъ, куклой, цвѣткомъ, не подозрѣвая, что они его не понимаютъ и послѣ, начиная сознавать, какъ бы не хочетъ вѣрить въ неодушевленность предметовъ. Мы видѣли дѣтей, которые искреннѣйшимъ образомъ плакали, что ихъ не слушались игрушки. Ихъ безконечная наивность требуетъ и особой пищи, которая можетъ быть доставлена только наивностью, простотою сказки и народной пѣсни. Какіе нибудь разговоры съ животными и квартеты проказницы мартышки, осла, козла, да косолапаго мишки, для нихъ инте-

леснѣй всего. Но почему же именно только разговоры и представленія изъ жизни животныхъ, а не разсказы и олицетворенія жизни людей, жизни народа? Басни Крылова, какъ они не проникнуты знаніемъ языка и пониманіемъ народнаго духа, имѣютъ все таки лафонтеновской отпечатокъ и относятся къ области дидактической поэзіи, а не къ поэзіи въ настоящемъ смыслѣ. Всѣ эти предметы и соображенія необходимо должны войти въ кругъ познаній няньки, равно какъ и новѣйшее воспитательное средство—дѣтскіе сады и фребелевскія игрушки должны быть ей знакомы въ подробности; словомъ, въ нянькѣ заключается первая воспитательная роль женщины.

Далѣе, къ немалому конечно удивленію людей думающихъ всё перестроивать, да переворачивать верхъ дномъ, не можемъ не причислить къ числу необходимыхъ женскихъ ролей въ воспитаніи семьи — должность гувернантки. Дайте тамъ какое другое названіе, поставьте въ иные условія, обезпечте лучшимъ образованіемъ, а гувернантки необходимы, особенно въ семьяхъ большихъ. Если нянька разъигрываетъ еще роль слуги, а гувернантка состоитъ на положеніи приживалки, то это зависитъ только отъ грубости нравовъ и неполнаго пониманія этихъ важныхъ должностей.

Третья педагогическая роль женщины — это роль учительницы и воспитательницы. Объ этихъ должностяхъ, которыя могли бы болѣе обезпечить женщину, чѣмъ всякая другая, мужчины, ея учителя, разговариваютъ, впрочемъ, не очень охотно;—вотъ другое дѣло роль переплетчицы. Между тѣмъ, только съ введеніемъ женщины въ кругъ общественнаго воспитанія школа можетъ потерять сухой педантическій характеръ и будетъ не только учить, но и нравственно воспитывать: смѣшеніе педагогическаго или воспитательнаго начала съ общенаучнымъ или образовательнымъ у насъ обыкновенно идетъ за урядъ и наука педагогіи, въ глазахъ большинства, не выдѣ-

ляется изъ системы наукъ вообще; нѣкоторые даже не догадываются, что она есть столько же наука, сколько и искуство и что быть воспитателемъ не одно и тоже, что быть надзирателемъ. Роль учительская у насъ уже, что называется, роль пройденная: хорошихъ учителей не мало въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ; такъ что женщинѣ, если придется вступить на эту должность, на первый разъ слѣдуетъ ограничиться только женскими учебными заведеніями. Что же касается до обязанности воспитательницы, то она, намъ думается, необходима и для заведеній мужскихъ. Повсемѣстно распространенная въ учебныхъ заведеніяхъ шаловливость и стремленіе къ неуваженію старшихъ доказываетъ лучше всего, что однихъ надзирателей, хотя бы даже и иностранцевъ, тутъ мало. Мы разошлись съ старымъ поколѣніемъ еще со школьной скамьи. Наши воспитатели или надзиратели держались обыкновенно двухъ крайностей, — либо впадали въ неумѣстную фамильярность и посвящали даже дѣтей въ тайны прогресса, либо были слишкомъ жестоки, такъ что тѣлесныя наказанія являлись единственнымъ средствомъ нравственнаго развитія; отсюда происхожденіе выразительнаго слова вышколить. Отъ женщины можно надѣяться на гораздо большій тактъ въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе, уходъ за дѣтьми. Бояться, чтобы ея излишное вліяніе не разслабляло характеровъ мужскихъ, смѣшно; американскія женщины вѣдь не произвели такого разслабляющаго вліянія, а тамъ онѣ играютъ первую роль въ воспитаніи.

Но какимъ же принципомъ должна руководиться женщина въ дѣлѣ воспитанія? Принципомъ нравственно-эстетическимъ. О высокомъ значеніи эстетическаго воспитанія писалъ еще Шиллеръ; но и до сей поры ничего въ этомъ отношеніи не сдѣлано, и люди съ испорченнымъ нравомъ также часты, какъ и люди съ испорченнымъ вкусомъ. Цѣли искуства и цѣли воспи-

танія до нѣкоторой степени совпадаютъ. Высшая цѣль искуства созданіе типа или идеала: высшая же цѣль воспитанія— образованіе совершеннаго характера. Возможно ли, поэтому, воспитывать человѣка, не вникая въ процессъ развитія характеровъ, открываемый намъ съ такою ясностью поэтами и художниками. Нѣтъ, огромная масса наблюденій надъ человѣческою природою, завѣщанная намъ міровыми геніями, не должна остаться безъ практическаго примѣненія. Женщина, именно, и призвана, чтобы осуществить эту практическую цѣль искуства. Она будетъ уже не дресировать дѣтей, а дѣйствительно воспитывать. Даже классицизмъ ничего не можетъ имѣть противъ нравственно эстетическаго воспитанія: онъ болѣе или менѣе раскрываетъ древній античный міръ; а въ древнемъ мірѣ искуство было выше научныхъ знаній; оно составляло тогда религію. Руссо утверждалъ, что воспитаніе должно сообразоваться съ природой; мы думаемъ, этого мало: цѣль воспитанія заключается въ томъ, чтобы дополнить природу, усовершенствовать жизнь и рѣшить великія задачи нравственности. Въ этомъ и будетъ новое слово женщины, котораго, не смотря на свою изобрѣтательность, не могъ до сихъ поръ сказать мужчина.

Въ виду всего этого мы и полагаемъ, что для практическаго разрѣшенія женскаго вопроса необходимо было бы учредить педагогическій институтъ для женщинъ, гдѣ бы такъ называемыя женскіе курсы, не имѣющіе теперь опредѣленной программы и недающіе никакихъ правъ, примѣнялись бы съ цѣлью образованія учительницъ, воспитательницъ и гувернанокъ. При этомъ, конечно, моглибы существовать и практическіе классы, для примѣненія разныхъ методовъ воспитанія, школа для нянекъ и дѣтскій садъ, на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Что же касается до основанія женскаго университета, то разумная мысль эта пока практически невыполнима: и въ существующихъ то университетахъ не хватаетъ профессоровъ. Потребность

въ ученыхъ мужчинахъ чувствуется вообще гораздо бо̀льшая, чѣмъ въ ученыхъ женщинахъ. Трудъ ученаго не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства или отсрочки, — постоянство и терпѣніе тутъ первое условіе. Женщинѣ, чуть ли не каждой годъ бывающей при смерти и чуть ли не всякой мѣсяцъ заболѣвающей, съ этимъ трудомъ не легко будетъ справиться. Постоянныя систематическія занятія, говоритъ Милль, не должны входить въ програму большинства замужнихъ женщинъ. Но замужнее положеніе есть не только самое естественное, но и самое частое для женщины; — если бы во всей массѣ народа незамужество возрасло, то народонаселеніе сейчасъ бы уменьшилось. Милль, такимъ образомъ, своимъ личнымъ опытомъ и наблюденіемъ подтверждаетъ какъ бы то, что постоянныя систематическія занятія, каковыя по преимуществу занятія научныя, не могутъ входить въ программу большинства женщинъ. На искуство мы потому то и указываемъ женщинѣ, что это есть трудъ по преимуществу свободный, — дѣятели въ сферѣ искуства не даромъ считаются свободными художниками; и, наконецъ, этотъ трудъ, какъ нами указано, имѣетъ тѣсную связь съ наукою воспитанія. Вообще тѣ отрасли научныхъ познаній, гдѣ наука такъ сказать прилегаетъ къ искуству, — прикладныя науки, доступнѣе всего для женщины. Сюда кромѣ педагогіи относится также и медицина. Но здѣсь, какъ и во всемъ, женщина, помня свою зависимость отъ дѣтей, не должна слишкомъ *разбрасываться*. Лучше всего, если бы къ труду акушерства женщины усвоили себѣ еще познанія въ женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Трудъ экономовъ или хозяекъ большихъ общественныхъ заведеній тоже практически приложимъ къ женской дѣятольности; не говоримъ уже о трудѣ торговомъ, которымъ въ разныхъ его видахъ занимаются у насъ женщины изъ разныхъ сословій. *Вообще низшіе слои или сословія указываютъ намъ на множество при-*

мѣровъ, какъ женская дѣятельность, вносящая въ семью заработокъ, можетъ вполнѣ примиряться съ семейными началами.

XI.

Но мы еще не сказали ничего о высшей педагогической роли женщины, о положеніи матери. Хотя мать и назначена природой быть кормилицей своего ребенка; но нянькою она рѣдко можетъ быть вслѣдствіе избытка нѣжности или высшихъ умственныхъ способностей, не всегда мирящихся съ этимъ трудомъ. Званіе няньки требуетъ, наконецъ, особаго приготовленія, навыка: лучшими няньками обыкновенно бываютъ тѣ, которыя имѣли на своихъ рукахъ не одно, а множество дѣтей. Предпологать же, чтобы всякая мать была непремѣнно хорошею нянькою своего ребенка невозможно и даже отчасти жестоко. Если мы утверждали, что присутствіе дѣтей въ семьѣ оказываетъ морализирующее вліяніе на взрослыхъ, то это въ такомъ только случаѣ, когда тягости домашняго труда не падаютъ на одну мать — иначе же дѣйствіе будетъ скорѣе отупляющее.

Нѣтъ, мать не нянька, не гувернантка и не учительница, а нѣчто высшее. Гегель называетъ мать геніемъ дитяти, пусть же она имъ и будетъ. Чѣмъ больше освободится она отъ низшихъ обиходныхъ обязанностей вокругъ своего ребенка, тѣмъ болѣе сосредоточитъ она свою нѣжность въ высшемъ на немъ вліяніи и тѣмъ скорѣе привлечетъ своего мужа къ этимъ святымъ обязанностямъ. Обязанность матери въ отношеніи будущаго потомства и состоитъ въ томъ, чтобы путемъ морализирующаго вліянія семьи и возможно большаго доступа къ общественнымъ занятіямъ научить мужчину' избѣгать

тѣхъ крутыхъ мѣръ, тѣхъ разрушительныхъ поворотовъ и захватовъ, отъ которыхъ міръ по временамъ вздрагиваетъ. Не о деспотизмѣ мужчины надъ женщиной должна поэтому итти рѣчь, а объ облегченіи для нея домашняго труда. Людямъ стоящимъ въ сторонѣ отъ семейнаго міра и не охотно рискующимъ въ него попасть (а эти то у насъ болѣе всего и занимаются женскимъ вопросомъ), обыкновенно мало представляется та страшная зависимость, въ которую иногда бываетъ поставлена женщина.

Разберемъ же по порядку всѣ перипетіи этой такъ сказать колыбельной драмы, главнымъ дѣйствующимъ лицемъ которой является подрастающій ребенокъ. Самая большая трудность первоначальнаго ухода за младенцемъ заключается въ томъ, что ребенокъ не родится подобно дѣтенышамъ животныхъ, защищеннымъ болѣе или мѣнѣе отъ вліяній внѣшней природы. Весь его наружный видъ бьётъ на возбужденіе участія и состраданія, а потому и на болѣе тѣсную связь съ своимъ родомъ: онъ голъ и беззащитенъ; ни одинъ изъ его органовъ и членовъ ему вначалѣ не служитъ, даже грудь матери, и ту сосетъ онъ тогда только, когда подноситъ ему мать. Внѣшнія вліянія дѣйствуютъ на него до того враждебнымъ образомъ, что человѣческій индивидуумъ никогда, можно сказать, не бываетъ такъ близокъ къ смерти, какъ по своемъ рожденіи: половина младенцовъ не доживаетъ обыкновенно и одного года. Изъ этого уже одного легко можно понять какую страшную борьбу, въ интересѣ потомства, должна выдерживать женщина, не утратившая въ себѣ материнскіе инстинкты.

Далѣе ребенка, помимо его слабости и безпомощности, чрезвычайно какъ трудно пріучить къ какому нибудь порядку, съ которымъ столь тѣсно связана жизнь всякаго взрослаго существа; жизнь матери, у которой на рукахъ ребенокъ, поэтому невольно подвергается самому неправильному тече-

нію. Дитя, прежде чѣмъ выростн, должно еще научиться какъ слѣдуетъ спать: сонъ и бодрствованіе у него не имѣютъ опредѣленныхъ границъ; ночь и день не оказываютъ на него такаго вліянія, какъ на организмъ взрослаго. Не всегда также представляется возможность пріучить ребенка къ употребленію пищи по часамъ: младенецъ не можетъ быть также акуратенъ, какъ взрослый нѣмецъ, особенно еще больной. Его безсоница есть также и безсоница матери; его недугъ ея личное страданіе. А время подрастанія, то время, когда женщина, миновавъ сотни неизбѣжныхъ заболѣваній, видитъ, наконецъ, что въ ея ребенкѣ проявляется потребность къ движенію жизни. Онъ еше не можетъ ни сидѣть, ни ходить, ни держать что либо въ рукахъ или останавливать на чемъ свое вниманіе; онъ движется, прыгаетъ, вертится на рукахъ матери, угрожая ей каждую минуту паденіемъ и выражая криками никому непонятныя желанія. Вотъ этотъ то періодъ подрастанія, вызывающій иногда снисходительныя улыбки отцовъ, истощаетъ терпѣніе самыхъ чадолюбивыхъ матерей, особенно если ребенокъ не одинъ. Вслѣдствіе необходимости почти ежеменутнаго досмотра и безпокойства, женщина, что называется, дурѣетъ, — и вотъ здѣсь то и есть диллема женскаго вопроса. А мужчина, разумѣется, тутъ въ сторонѣ. Самымъ лучшимъ выраженіемъ его нѣжности въ такихъ случаяхъ бываетъ наемъ няньки; но такъ какъ нянька обыкновенно оказывается не приготовленною къ своему дѣлу, то забота о дѣтяхъ и не перестаетъ крушить мать и связывать ее во всѣхъ дѣйствіяхъ. Женщины, не имѣющія дѣтей, по этому всегда чувствуютъ себя болѣе свободными и не зависимыми. Но это, разумѣется, плохое утѣшеніе для человѣка, думающаго не о настоящей только минутѣ.

И такъ, въ концѣ концовъ, приходится сказать, что *подчиненность женщины*, возбуждающая теперь столько за-

боты въ сердцахъ мужчинъ, *зависитъ не столько отъ причинъ легальныхъ, сколько естественныхъ, не столько отъ деспотизма мужей, сколько отъ уединеннаго положенія женъ въ средѣ семей.* Инстинкты отцовскіе ослабѣли. Если еще мужчина не образованъ или находится въ первобытномъ, такъ сказать, состояніи, то инстинкты рода, племени, въ немъ цѣлы; но какъ скоро онъ подымается на высшія ступени цивилизаціи, то сейчасъ же ихъ утрачиваетъ. И часто, чѣмъ человѣкъ многостороннѣе, развитѣе въ общественномъ отношеніи, тѣмъ хуже онъ какъ отецъ. Самые же худшіе изъ отцовъ такъ называемые передовые люди: дѣти у нихъ не болѣе, какъ знакомые или пріемыши. Это ужасно, но это такъ. Въ современной цивилизаціи есть, значитъ, что то такое, что ослабляетъ племенныя органическія связи. Что же это? — развратъ, скажемъ мы, не обинуясь: онъ истощилъ сердце мужчины, онъ застудилъ въ немъ чистѣйшіе и благороднѣйшіе инстинкты. Нужда, конечно, тоже выѣдаетъ душу современнаго человѣка; но это только снизу: сверху же его гложетъ чувственность, холодная, утонченная, разрушающая весь его душевный складъ и отражающаяся даже на мысли. Кабинетная мораль Мальтуса и Фурье явилась, именно, вслѣдствіе этого холода сердечнаго, этого страха предъ дѣторожденіемъ, который такъ обуялъ мужчину.

XII.

Но всѣ однако такъ интересуются участью взрослыхъ дѣтей, всѣ такъ много твердятъ о молодомъ поколѣніи, — не доказываетъ ли это, что родственныя органическія влеченія вполнѣ

сохранны? Къ несчастью, нѣтъ. На столь часто повторяемый терминъ *молодое поколѣніе* нельзя смотрѣть, какъ на идею, въ которой воплощается все свѣжее и молодое; скорѣе, напротивъ, это мифъ, подъ которымъ должно разумѣть только *людей молодящихся* или *преждевременно начавшихъ жить*. Молодость этаго рода заключается, большею частью, въ томъ, что она все отрицаетъ да порицаетъ, а не то, чтобы много обѣщала и много довала — истинный признакъ молодости. Хотя термитъ молодое поколѣніе безсознательно повторяется и людьми нищими духомъ; но въ сущности онъ пріобрѣтаетъ свое, такъ сказать, практическое значеніе только въ глазахъ людей, которые перегородивъ общество на двѣ половины, думали совершить прогрессивный разладъ — сына вооружить противъ отца, мать противъ дочери, жену противъ мужа, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ этомъ пока еще главный результатъ такъ называемыхъ соціалистическихъ теорій. Со стороны политической онѣ далеко не такъ страшны, какъ иные думаютъ; но не то уже соціализмъ въ отношеніи семьи. Гдѣ у семьи защитники? Каламбуры и насмѣшки, новыя программы счастья и разныя теоріи безобразія летятъ въ нее со всѣхъ сторонъ. И ни одно свѣжее, не старческое перо не подвинется на защиту семьи съ ея то плачущими то улыбающимися младенцами, возбуждающими страхъ или подающими надежду отроками и цвѣтущею, впередъ рвущеюся юностью. Одинъ, смотришь, и не отдѣлился еще совсѣмъ отъ этаго древа жизни или древа познанія добра и зла, а даетъ уже себѣ клятву ни чѣмъ и ни съ кѣмъ себя не связывать и глядитъ очарованными взорами на вихрь жизни, несущейся и готовой поглотить его; другой, жестоко ошибся, сойдясь невпопадъ съ женщиною, и вся вѣра въ незыблемое семейное начало пропала; третій, лишь настарости лѣтъ, опоминается, какъ страшно умирать безъ дѣтей и губитъ без-

жалостно чью нибудь нетронутую молодость. Что все это, какъ не слѣдъ злой разрушительной антиэстетической тенденціи, выросшей отъ потери здоровыхъ, человѣческихъ инстинктовъ? Если женщина, выступя на новый для нея путь, не вооружится противъ этаго старчески-безплодпаго направленія, то она, скажемъ, измѣнитъ своему высокому призванію.

Опредѣленіе трагическаго. Архитектура. Скульптура. Живопись. Музыка. Механическое искуство. Искуство вообще и поэзія. Чего желалъ авторъ отъ искуства и чего мы желали бы? II. «Сочиненія Н. А. Добролюбова.» Добролюбовъ, какъ критикъ. Оцѣнка его взглядовъ на художественную дѣятельность Островскаго, Тургенева, Гончарова и Достоевскаго. III. Добролюбовъ, какъ мыслитель. Исходная точка критики и публицистики. Смѣшеніе науки съ поэзіею. Служба беллетристическихъ талантовъ наукѣ. Искуство и искуственность. Фиміамъ воскуренный дѣтямъ и камни брошенные въ отцовъ. Сплетни вмѣсто гласности. Отвычка отъ серьезной рѣчи. Исчезновеніе стиха и упадокъ сатиры. IV. «Сочиненія Писарева, Антоновича и другихъ.» Расколъ между отрицателями искуства. Полемика съ Пушкинымъ и Бѣлинскимъ. Обрѣзки идей послѣдняго. Сѣнковскій, какъ отрицатель. Оплошность людей направленія положительнаго: діалектическія тучи и мистическія облака. Заключеніе.

Объ отношеніи естествовѣдѣнія къ искуству: I. Взглядъ натуралистовъ на внѣшній міръ. Знаніе и пониманіе природы. Гумбольдтъ, какъ физіономистъ природы. Средства, какими природа дѣйствуетъ на нравственное настроеніе человѣка. II. Математическія, физическія и физіологическія основы искуства. Пиѳагоръ, Эйлеръ, Фурье, д'Аламбертъ, Гельмгольцъ, Гёте, Гогартъ, Кетле, Цейзингъ и другіе изслѣдователи звуковъ, красокъ и формъ природы. III. Языкознаніе, какъ часть антропологіи и средство рѣшенія психологическихъ задачъ. Нераздѣльность мысли и слова. Анализъ звуковой клѣточки или корня. Роль слуха въ актѣ сознанія и образованія словъ. Тоны и шумы, гласные и согласные звуки. Органическая связь поэзіи съ другими искуствами и наукою вообще. IV. Законъ гармоніи въ примѣненіи къ жизни. Мышечный тонъ, нервное и душевное настроеніе. Связь настрое-

нія съ поступками и характеромъ. Условія образованія характеровъ и причины дисгармоніи между ними. Гармонія нравственныхъ отношеній, какъ основа гармоніи экономической.

Литературный разладъ: Литературные лагери вмѣсто литературныхъ партій. Идеализмъ въ борьбѣ съ матеріализмомъ; сенсуализмъ въ роли романтизма. Упадокъ писательской роли. Безгласные и безымянные писатели. Литературный бюрократизмъ. Перевѣсъ плажіатной, механической дѣятельности въ литературѣ надъ творческою.

II Томъ. *Женщина и дѣти:* Женщины, чреватыя современными идеями. Что такое женская слезливость и стыдливость. Кто произнесъ первое слово за падшую женщину. Гётевская баядерка и Маргарита. Эмансипація плоти вмѣсто эмансипаціи духа. Картина дисгармоніи семейной жизни. Обмужчиниваніе женщины и бездѣтный прогрессъ. Средство избавленія женщины отъ труда египетскаго.

Трудъ и наслажденіе: I. Связь труда съ наслажденіемъ. Физіологическое дѣйствіе труда на организмъ. Трудъ механическій, умственный и эстетическій. Праздностъ и сенсуализмъ жизни. II. Разныя формы труда: трудъ литератора, артиста и педагога. Трудъ ученаго, врача и судьи. Трудъ промышленника и чернорабочаго. Лишніе и праздные люди. III. Разные виды наслажденія. Пьянство, его исторія и болѣзни. Страсть къ наркотическимъ веществамъ. Рискъ и азартныя игры. Любовь и ея стрѣлы.

Суэта суэтъ: Соломоновская мудрость и Діогеновская мораль. Анализъ тѣхъ формъ общественныхъ развлеченій, на которыя употребляется время, свободное отъ труда. Легкое чтеніе. Театръ. Музыка. Балетъ, циркъ, офенбаховскій родъ; клубы, маскарады и балы. Въ семьѣ и внѣ семьи.

Принципы жизни: Возможенъ ли прогрессъ безъ принциповъ? Матеріализмъ, позитивизмъ, утилитаризмъ и эсте-

тизмъ. Связь эстетическаго движенія съ принципами. Роль принциповъ въ исторіи. Принципы семейственности, принципы преемственности и принципы солидарности. О томъ, что одинаково дорого какъ власти, такъ и слову.

Идеалы поэзіи: Нравственное подвижничество, героизмъ и идеализація жизни. Эстетически-идеальный прогрессъ у разныхъ народовъ. Отсутствіе идеала у китайцевъ. Мистическіе образы индійцевъ. Сенсуальный идеалъ магометанъ. Эллинизмъ и его идеалы. Римскія копіи съ нихъ. Религіозные идеалы. Средневѣковой романтизмъ въ борьбѣ съ римскимъ цинизмомъ и восточнымъ сенсуализмомъ. Революціонное значеніе французской сатиры и стремленіе французовъ къ чувственности Эротизмъ и лиризмъ итальянской поэзіи. Воплощеніе средневѣковаго рыцарства въ Донъ-Кихотѣ и неземная поэзія въ испанскихъ драматурахъ. Вліяніе эллинизма и романтизма на нѣмецкую литературу. Слезливость и цѣломудріе нѣмцевъ. Разбитый идеалъ Байрона и Гейне. Шекспировскія женщины и его идеалъ совѣстливаго человѣка. Пуританизмъ американцевъ. Русскіе идеалы.

Языкъ, какъ основа національности: I. Раздѣленіе человѣчества по семействамъ языковъ. Разнообразіе алфавитовъ и законъ Гримма. Нераздѣлимость мысли и слова. Параллель между характерами народовъ и свойствами ихъ языковъ. Диференцированіе человѣческой мысли путемъ слова и происходящее отсюда развитіе національностей. II. Шаткость нашего національнаго развитія. Вліяніе на насъ въ этомъ отношеніи національностей французской и нѣмецкой. Связь коммунизма съ космополитизмомъ. Связь начала семейнаго съ національнымъ и общегосударственнымъ.

III Томъ. *Русская пѣсня:* Критическій разборъ произведеній народной поэзіи. I. Вопросъ о народности. Колонисты изъ иностранцевъ и чужіе люди изъ русскихъ. Выворачива-

ніе иностранныхъ литературъ на изнанку, а своей собственной шиворотъ на выворотъ. Нѣмецкіе смычки. На чемъ мы разошлись и на чемъ мы можемъ сойдтись. II. Русскій народный эпосъ. Пѣснь объ Олегѣ Вѣщемъ, Микулѣ Селяниновичѣ и Святогорѣ богатырѣ. Пѣснь о Сухманѣ и тихомъ Дунаѣ Ивановичѣ. Владиміръ Красное Солнышко, Бѣлыя лебеди и поленицы удалыя. Богатырь-крестьянинъ, богатырь-бояринъ и богатырь поповичъ. III. Заѣзжіе богатыри — богатырь-щеголь и богатырь-хитрецъ. Гость-мореходецъ и свадьба Забавы Путятишны. Садко купецъ новгородскій и поѣздка его къ царю подонному. Древній представитель понизовой вольницы. О томъ, какъ перевелись богатыри на святой Руси. IV. Послѣдніе отголоски русскаго эпоса. Убожество стиховъ о Лазарѣ. Пѣсня о голубиной книгѣ и Егоріѣ храбромъ, какъ образцы двоевѣрной поэзіи. Причины разъединенія книжной и устной поэзіи и надорванность тона послѣдней. Отчего завелась на Руси измѣна и какъ хотѣлъ ее вывести Грозный. Пѣснь о Ванѣ ключникѣ. Какъ князь Романъ жену терзалъ. Разбойничья поэзія. V. Народная лирика: пѣсни бытовыя — заунывныя, удалыя и плясовыя. Зачатки народной драмы и оперы: пѣсни — древнеязыческой обрядности. Хороненіе золота, праздникъ Колядѣ-зимѣ, Васильевъ вечеръ. Святочные страхи и народная демонологія. Окликъ звѣздъ, мѣсяца, зари и солнца въ заговорахъ. Встрѣча весны и перваго дождя. Лѣтніе духи и зеленыя святки. Ночь на Ивана Купала. Значеніе весеннихъ хороводовъ. Типы хороводницъ и свахи. Драматизмъ свадебныхъ пѣсенъ. Встрѣча перваго снѣга. Заключеніе.

Дымъ отечества: Критика романа И. С. Тургенева «Дымъ.»

Петербургскія тайны: Критика «Петербургскихъ трущобъ» В. В. Крестовскаго и романа «Некуда» М. Стебницкаго.

Дѣловые люди: I. «Бѣглые въ Новороссіи.» «Бѣглые воротились.» II. «Новыя мѣста», три романа Г. П. Данилевскаго (Скавронскій).

Родство и кипучія страсти: Критика романа И. А. Гончарова «Обрывъ.»

Война или Миръ? Критика новаго произведенія гр. Л. Н. Толстаго.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЕТСЯ БРОШЮРА:

ЖЕНЩИНА И ДѢТИ.

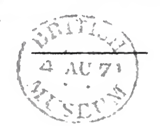
СОЧИНЕНІЕ

НИКОЛАЯ СОЛОВЬЕВА.

Содержаніе: Женщины: чреватыя современными идеями. — Что такое женская слезливость и стыдливость? — Гётевская Маргарита и Лукреція Жоржъ-Занда. — Эмансипація плоти вмѣсто эмансипаціи духа. — Картина разлада семейной жизни. — Обмужчиниваніе женщивы и бездѣтный прогрессъ. — Средство избавленія женщины отъ труда египетскаго.

Цѣна 50 коп., съ пересылкою 75 коп.

Складъ изданія книгъ *Искуство и Жизнь* и брошюры: *Женщина и Дѣт* въ Москвѣ, Скатертный переулокъ, домъ Свѣтовидовой у Сергія Павловича Анненкова. Выписывающіе не менѣе десяти экземпляровъ, за пересылку не платятъ.

Цѣна 50 коп.

Складъ изданія въ Москвѣ, Скатертный переулокъ, домъ Свѣтовидовой, у Сергѣя Павловича Анненкова.